Капля крепкого

Автор:
Лоренс Блок

Капля крепкого

Лоренс Блок

Мэттью Скаддер #17

Один неудачный выстрел – и детективу Мэтту Скаддеру приходится уйти из полиции, а его жизнь, кажется, теряет всякий смысл.

Еще один выстрел – и погибает человек, которого Скадлер знал в детстве, и тогда ему приходится вспомнить о своей профессии. Потому что только он понимает: Эллери, мелкого мошенника из Бронкса, кто-то заставил замолчать, пустив ему пулю в рот.

Но что мог знать Эллери? О чем и кому он, не доверявший полиции, мог рассказать?

Скадлер начинает расследование и вновь проходит по всем кругам ада Нью-Йорка, города, который скрывает множество темных тайн…

Блок Лоренс

Капля крепкого

Роман

Посвящается Меган и Крейгу

Как говорил губернатор Северной Каролины губернатору Южной Каролины: «Между первой и второй перерыв большой».

Однажды поздним вечером…

– Вот я часто задаюсь вопросом, – произнес Мик Бэллоу, – как бы все сложилось, если бы я тогда пошел другой дорожкой…

Мы сидели в «Гроган-оупен-хаус», салуне «Адская кухня», которым он владел и управлял вот уже много лет. Облагораживание этого старого района, безусловно, повлияло на «Гроган», хотя и внутри, и снаружи бар мало изменился. Но местные закоренелые алкаши и дебоширы по большей части или умерли, или просто переехали, и нынешние завсегдатаи являли собой куда более пристойное зрелище. И здесь подавали фильтрованное пиво «Гиннесс», имелся также широкий выбор односолодового и других дорогих сортов виски класса «премиум». Но привлекала завсегдатаев сюда не выпивка, а эпатажная репутация заведения. Они указывали на дыры от пуль в стенах и рассказывали истории о славном прошлом владельца бара. Некоторые байки правдивы.

Сейчас в зале не было ни души. Бар закрыт, стулья перевернуты и лежат на столах, чтоб не мешали, когда на рассвете придет паренек и начнет мыть пол. Входная дверь заперта, свет погашен, за исключением небольшого фонарика из цветных стекол над нашим столиком, где мы сидим с бокалами «Вотерфорд»[1 - «Вотерфорд» – торговая марка хрустальных изделий, производство которых было основано в 1783 г. братьями Пенроуз в портовом городе Вотерфорд, что на юго-востоке Ирландии. – Здесь и далее примеч. пер.]. В бокале у Мика виски, в моем – содовая.

Наши встречи поздними вечерами последние годы стали редкими. Мы постарели, не слишком стремились переезжать во Флориду или заказывать в ближайшем семейном ресторане утреннее меню, но и не очень тяготели к долгим разговорам, за которыми можно скоротать ночь и встретить рассвет с широко распахнутыми глазами. Оба мы слишком стары для этого.

Мик стал заметно меньше пить. Примерно год назад он женился на Кристин Холлэндер – женщине, значительно моложе себя. Этот союз удивил всех, кроме моей жены Илейн, которая клялась и божилась, что предвидела нечто подобное. И изменил Мика – в том плане, что теперь у него появилась причина возвращаться домой пораньше. Он по-прежнему предпочитал «Джеймсон» двенадцатилетней выдержки безо льда и содовой, зато пил его теперь гораздо меньше, а выдавались дни, когда не пил вообще.

– До сих пор нравится мне этот вискарь, – говорил он. – Но долгие годы я просто сгорал от жажды, а теперь жажда оставила меня. Куда подевалась – без понятия.

В прежние времена мы имели привычку просиживать вот так ночь напролет, часами порой молчали, и каждый пил свой любимый напиток. На рассвете Мик поднимался из-за стола, надевал запятнанный кровью фартук своего отца, который работал мясником, и шел на утреннюю службу в церковь Святого Бернара, которую посещали почти исключительно мясники, поскольку находилась она в районе мясоперерабатывающего комбината. Время от времени я составлял ему компанию.

Но все меняется. «Мясной» район превратился в модное пристанище и бастион яппи, большинство фирм, давших название району, прекратили деятельность, их владения перестроили в рестораны и многоквартирные дома. А церковь Святого Бернара, прихожанами которой были в большинстве своем ирландцы, стала убежищем святой девы Марии Гваделупской[2 - Святая дева Мария Гваделупская – название ассоциируется со знаменитым изображением святой девы Марии в одной из базилик Мехико.].

Даже не припомню, когда при мне Мик в последний раз надевал этот фартук.

То была одна из редких наших ночных посиделок. Наверняка оба мы не могли без них обойтись, иначе бы давно разошлись по домам.

– Другой дорожкой, – задумчиво повторил я. – Что ты хочешь этим сказать?

– Временами, – отозвался он, – когда мне начинает казаться, что жизнь прожита напрасно, я твержу себе, что просто был обречен пройти именно таким путем. Я ничего не видел вокруг, потому как целиком сосредоточился на интересах

бизнеса, понятных и чистых, как зубы гончей. Кстати, ты никогда не задумывался, при чем тут зубы гончей?

– Понятия не имею.

– Спрошу Кристин, – кивнул Мик. – Она сядет за свой компьютер и через тридцать секунд выдаст ответ. Это если не забуду ее спросить. – Он улыбнулся каким-то своим тайным мыслям. – Я сам не заметил, как стал самым настоящим преступником. Сейчас я в этом смысле человек безнадежно отсталый. Но тогда жил в районе, где преступность была основным занятием, а все окрестные улицы – прямо-таки институтом по изучению бандитского жаргона.

– И ты закончил его с отличием.

– Да. Я мог бы стать выпускником, произносящим прощальную речь, если бы подобное предложение поступало юным ворам и хулиганам. Но знаешь, далеко не каждый юнец из нашего квартала становился на преступный путь. Мой отец был уважаемым человеком. Он был… Впрочем, почту его память и не стану сейчас говорить, кем он был. Я тебе о нем рассказывал.

– Да, рассказывал.

– И все равно он был уважаемым человеком. Каждый божий день вставал рано утром и шел на работу. А вот мои братья выбрали другую, более почтенную дорогу. Один стал священником – впрочем, ненадолго, но все потому, что вдруг утратил веру. Джон, он сильно преуспел в бизнесе, стал столпом общины. А Дэнис, бедняга, погиб во Вьетнаме. Я ведь тебе рассказывал, как ездил в Вашингтон увидеть его имя на мемориальном кладбище.

– Да.

– Из меня бы вышел ужасный, просто никудышный священник. Даже не стал бы искать разнообразия в совращении мальчишек-малолеток, алтарных служек. Никогда не тянуло. И еще не представляю себя целующим разные задницы и бесконечно пересчитывающим доллары, как мой брат Джон. Ну, ты уже, наверное, догадался, куда я гну? Я мог бы пойти той же дорогой, что и ты.

– И стать копом?

– А что такого?

– Да нет, ничего.

– Когда я был маленьким, – продолжил Мик, – то думал: коп – вот прекрасное занятие для настоящего мужчины. Стоять на перекрестке в красивой униформе и регулировать движение, помогать детишкам переходить улицу, защищать их от плохих парней. – Он усмехнулся. – Да уж, действительно, от плохих парней. Как же мало я знал! Но в нашем квартале жили ребята, которые позже надели синюю униформу. И один из них, звали его Тимоти Ланни, сильно отличался от нас. Ты бы нисколько не удивился, услышав, что он взялся за ограбление банков или стал стряпчим по самым темным и сомнительным делишкам.

Мы еще немного поговорили о том, кто бы кем мог стать и насколько велик выбор у человека. Над последней темой следовало задуматься, и мы оба на несколько минут взяли тайм-аут в разговоре. Сидели, размышляли.

А потом он спросил:

– Ну а ты?

– Что я?

– Ты ведь не знал в детстве, что станешь копом.

– Не знал. Даже в голову не приходило. А потом пошел сдавать вступительные экзамены и, будучи полным идиотом, завалил их. Ну и тогда пошел поступать в Академию, и вот тебе, пожалуйста.

– Но ведь ты мог пойти и другим путем?

– И вместо этого стать преступником? – Я поразмыслил немного. – Не могу похвастаться врожденными свойствами характера, которые бы это исключали, – вздохнул я. – Просто меня никогда не тянуло в этом направлении.

– Нет.

– Был один мальчишка в Бронксе, я вырос с ним бок о бок, – вспомнил я. – А позже наша семья переехала, и связь с ним полностью оборвалась. А потом вдруг пару раз встретился с ним годы спустя.

– И он пошел другой дорожкой…

– А что ему оставалось делать, – заметил я. – Нельзя сказать, что он сильно преуспел в своем деле, но так уж сложилась у него жизнь. Однажды видел его в участке, сквозь зеркальную стену при опознании, ну а затем снова потерял из виду. А через несколько лет мы снова встретились. Еще до того, как с тобой познакомились.

– Ты тогда еще пил?

– Нет, но завязал совсем недавно. И года не прошло. Все же удивительно, что с ним произошло и как.

– А вот с этого момента, – попросил Мик, – давай поподробнее.

Глава 1

Не могу точно сказать, когда впервые увидел Джека Эллери, но случилось это в ту пору, когда мы почти два года жили в Бронксе. Ходили в разные классы, но в одну начальную школу. Видел я его только в коридорах на переменках или на спортплощадке после уроков, играющим в стикбол[3 - Стикбол – уличная игра, напоминающая бейсбол.] или ступбол[4 - Ступбол – уличная игра, похожая на бейсбол, где один из игроков ударяет мячом о крыльцо или стену и бежит к базе, а другие пытаются поймать мяч.]. Мы были достаточно хорошо знакомы, чтобы называть друг друга по фамилии, в соответствии с мальчишеским этикетом. Если бы кто тогда спросил меня, что за парень этот Джек Эллери, я бы ответил – нормальный парень. Полагаю, то же самое он сказал бы обо мне. Но это было все, что мы знали тогда друг о друге.

А потом бизнес у отца пошел из рук вон плохо. Он закрыл лавку, мы переехали, и снова я увидел Джека Эллери лишь через двадцать с небольшим лет. Лицо показалось знакомым, но я никак не мог понять, где я видел этого человека и кто он такой. Не в курсе также, узнал бы он меня или нет, потому как в тот момент я смотрел на него через одностороннее зеркало.

Случилось это то ли в 1970-м, то ли в 1971-м. Я носил жетон полицейского года два и служил детективом в Шестом участке в Гринвич-Виллидж, тогда он располагался на Чарлз-стрит в кирпичном здании довоенной постройки. Вскоре после этой истории участок переехал в новое помещение на Западной Десятой. Какой-то предприимчивый парень купил у нас старый дом и превратил его то ли в кооператив, то ли в кондоминиум. И отдал должное истории, назвав его «Le Gendarme»[5 - Le Gendarme – жандарм (фр.).].

Годы спустя, когда появилась штаб-квартира Нью-Йоркского департамента полиции, примерно то же самое произошло со старым управлением полиции на Сентрал-стрит.

Но встреча состоялась еще на старом месте, на Чарлз-стрит, на втором этаже, и Джек Эллери проходил под номером четыре среди выстроившихся в ряд пятерых мужчин латиноамериканской наружности в возрасте от тридцати до сорока лет с хвостиком. Рост их варьировался от пяти футов девяти дюймов до шести футов одного дюйма, одеты были одинаково в джинсы и спортивные рубашки с распахнутым воротом. Они стояли и ждали, когда женщина, для них невидимая, опознает того, кто держал ее на мушке, пока его сообщник опустошал магазинную кассу.

Эта полная женщина лет пятидесяти выступала в совсем не подходящей для себя роли – она являлась совладелицей магазина хозяйственных товаров для мам и пап. Будь она учителем в школе, все ученики наверняка боялись бы ее как огня. Я присутствовал как сторонний наблюдатель, потому как дело вел другой детектив. Арест произвел коп в штатском по фамилии Лонерган, и я стоял как раз рядом с ним. В помещении возле женщины находился помощник окружного прокурора, там же маячил высокий костлявый юнец в скверном костюме – судя по всему, назначенный властями общественный адвокат.

Когда я носил полицейскую форму в Бруклине, напарником моим был старый и опытный Винс Махафи. Он научил меня сотне разных полезных штучек, в том числе при каждом удобном случае проводить такое вот опознание. Он говорил,

это лучший способ познакомиться с местными плохими парнями, вместо того, чтобы листать альбомы с размытыми снимками. Ты должен видеть и запоминать их лица, наблюдать за языком тела, только тогда сможешь хорошенько запомнить.

– Ну и кроме того, – говаривал он, – это же бесплатное шоу, так почему бы не получить заодно и удовольствие?

И вот я взял в привычку ходить на процедуры опознания в Шестом участке и в тот день тоже всматривался в лица выстроившихся в ряд мужчин, пока помощник окружного прокурора советовал женщине не спешить.

– Нет, я точно знаю, это он, – заявила она, на радость Лонергану. – Это номер три.

Тогда помощник прокурора спросил, уверена ли она, причем тоном, предполагающим, что свидетельница может и передумать. Тут общественный адвокат откашлялся, словно готовился возразить. Но необходимости в том не было.

– Уверена на сто процентов, – кивнула она. – Это именно тот сукин сын, который меня ограбил, и я готова поклясться в том перед всеми вами и самим Господом Богом.

Лонерган, услышав такое заявление, радоваться почему-то перестал. Все вышли, мы с ним остались вдвоем. Я спросил, что ему известно о Номере Три.

– Он помощник управляющего на рынке на Гудзоне, – ответил Лонерган. – Чертовски славный парень, всегда готов оказать услугу. Но мне следует прекратить вызывать его на опознания. На него указывают вот уже третий раз, а он из тех редких типов, который если найдет десятицентовик у телефона-автомата, тут же вернет его на место.

– А выглядит подозрительно, – усмехнулся я.

– Наверное, все дело в изгибе губы. Почти незаметен, но делает лицо асимметричным, а такие физиономии доверия почему-то не вызывают. Как бы

там ни было, но опознаний с его участием больше проводить не буду.

– Это если он не вляпается в какую-нибудь историю, – хмыкнул я. – А на кого она, по-твоему, должна была указать?

– Нет, это ты мне скажи. К чему склоняешься?

– Номер Четыре.

– В точку! Мне следовало сделать тебя свидетелем, Мэтт. В тебе что, инстинкт полицейского говорит или ты его просто узнал?

– Видел выражение его физиономии после того, как дамочка сделала выбор. Знаю, они не слышат, о чем мы здесь говорим. Но он почувствовал, понял, что соскочил с крючка.

– А вот я не заметил…

– Думаю, в любом случае я выбрал бы именно его. Знакомое лицо, а вот откуда я его знаю, ума не приложу.

– У нас на него досье. Может, ты видел это «прелестное личико» на снимках в альбоме. И прозвище у него имеется – Высокий-Низкий Джек, так его называют. О чем-нибудь тебе говорит?

Не говорило. Я спросил фамилию парня, несколько раз повторил про себя: «Джек Эллери, Джек Эллери».

И тут в голове словно что-то щелкнуло.

– Знал его давно, еще мальчишкой, – выдал я. – Бог ты мой, да мы не виделись с окончания школы.

– Что ж, – философски заметил Лонерган. – Стало быть, ваши пути-дорожки сильно разошлись.

В следующий раз я увидел его через несколько лет. Успел за это время уволиться из Нью-Йоркского департамента полиции и переехать из двухуровневого дома в Сайоссете в гостиницу к западу от площади Колумба. Работу не искал, но она сама меня находила, и я превратился в некое подобие частного сыщика без лицензии. В расходах не отчитывался, никаких отчетов не писал, люди, нанимающие меня, всегда платили наличными. Часть заработка шла на оплату номера, большая часть покрывала мои расходы в баре за углом, где я обычно выпивал, ел, встречался с клиентами и вообще проводил почти все время. А если что-то оставалось, я отправлял эти деньги почтовым переводом в Сайоссет.

Затем, после неоднократных случаев тяжелейшего похмелья, полной отключки, а также пары посещений отделения детоксикации в больнице и по крайней мере одного сердечного приступа, наступил день, когда я оставил выпивку на стойке бара нетронутой, а затем начал посещать собрания анонимных алкоголиков. Я бывал на подобных мероприятиях и прежде, изо всех сил старался оставаться трезвым, но, наверное, тогда еще не был окончательно готов. Но на этот раз я нутром чувствовал, что готов войти в помещение, где полно людей, и сказать им:

– Я Мэтт.

А потом еще:

– Я алкоголик.

Я никогда не произносил этого прежде, во всяком случае, обоих предложений подряд. И понимал: даже если и произнесу, никакой гарантии трезвости это не даст. Гарантии трезвости нет и быть не может, поскольку наш мир зыбок и словно подвешен на тонкой ниточке. Но тем не менее покидал я эти собрания с ощущением, что все же сдвинулся с мертвой точки.

В тот день я не пил, и на следующий тоже, и через день снова не пил. Продолжал ходить на сборища и словно нанизывал эти дни на ниточку. И, должно быть, не пил вот уже два с половиной месяца, когда во второй раз повстречался с Джеком Эллери. Последний раз я выпил, железно это помню, 13 ноября, а состоялась наша встреча в последнюю неделю января или в первую неделю февраля, точнее не скажу.

Я точно помню, что продержался неполных три месяца, потому как поднял руку вверх и сообщил, сколько дней уже не пью, а делать это полагается только первые девяносто дней.

– Я Мэтт, – говоришь ты, – и я – алкоголик, и сегодня пошел семьдесят седьмой день.

И все хором отвечают:

– Привет, Мэтт.

А затем наступает еще чья-то очередь.

В тот день на Восточной Девятнадцатой должны были выступить трое, и после того, как «отстрелялся» второй оратор, секретарь объявил перерыв. Стали делать разные объявления и передавать из рук в руки корзину. Люди, у кого в тот день была круглая дата, заявляли об этом, их награждали аплодисментами, новички вели подсчет своих трезвых дней. Затем третий, и последний, оратор поведал свою историю… Где-то в десять вечера все закончилось, и мы собрались идти по домам.

Я уже приближался к двери, как вдруг кто-то окликнул меня по имени. Обернулся и увидел, что это Джек Эллери. Сидел я впереди него, потому и не заметил раньше. Но сразу же узнал. Он выглядел старше, чем тогда, на опознании, через стекло, и, похоже, виной тому не только годы. За место на собрании анонимных алкоголиков денег не берут, просто потому что ты оплачиваешь его заранее.

– Ты меня не узнал? – спросил он.

– Конечно, узнал. Ты Джек Эллери.

– Стало быть, с памятью у тебя все в порядке. Сколько нам было тогда? Лет двенадцать, тринадцать?

– Мне двенадцать, а тебе тринадцать.

– И у твоего отца был обувной магазин, – кивнул он. – Ты учился классом младше, и однажды я вдруг понял, что давненько тебя не видел. Никто не знал, куда ты уехал. Ну а потом как-то раз я прошел мимо обувного магазина и увидел, что он исчез.

– Как и многие другие предприятия.

– А твой старик был славным человеком. Хорошо его помню. Мистер Скаддер. Произвел огромное впечатление на мою мать. У него был там такой аппарат: вставляешь в отверстие ногу, и она делает вроде как рентгеновский снимок ступни. Она собиралась раскошелиться на новую пару туфель, а твой папаша сказал, что ноги у меня еще недостаточно выросли, чтоб носить такие.

– Вот что значит по-настоящему честный человек, Джеки, – сказала она мне по дороге домой. – Мог бы продать эти туфли и заработать, а он не стал.

– Один из секретов его успеха.

– Да, произвел впечатление. Бог ты мой, эти старые добрые времена в Бронксе! И вот теперь мы с тобой оба трезвенники. Как насчет чашечки кофе? Время позволяет, Мэтт?

Глава 2

Мы сидели друг против друга за столиком в закусочной на Двадцать третьей. Он заказал кофе со сливками и сахаром, я себе – черный. Единственное, что я мог добавить в кофе, это капельку виски, но не стал.

Он снова удивился, что я его узнал. Я сказал, процесс был взаимным, ведь он тоже узнал меня, поэтому и получилось.

– Ты выступал, назвал свое имя, – заметил он. – Потом сообщил, сколько дней не пьешь. У тебя скоро будет девяносто.

Девяносто дней – нечто вроде испытательного срока. Если сумеешь продержаться без выпивки столько времени, тебе разрешают поведать свою историю собравшимся, а также возглавить какую-то из групп или поработать в сфере обслуживания. И вовсе не обязательно поднимать руку и сообщать, сколько дней ты уже не пьешь.

Он не пил уже шестнадцать месяцев.

– Завязал еще в прошлом, – сказал он, – в последний день сентября. Вот уж не думал, что продержусь больше года.

– Говорят, особенно тяжко приходится накануне круглой даты.

– О, тогда мне было совсем не трудно. Но, видишь ли, я всегда считал само собой разумеющимся, что год абсолютной трезвости – невероятное достижение. Что никто не способен продержаться так долго. И теперь выясняется, один мой поручитель не пьет уже почти шесть лет, а в доме у меня живут люди, которые не пьют по десять, пятнадцать и даже двадцать лет. И у меня нет оснований считать их лжецами. Просто тогда думал, что принадлежу к другому разряду животных и не смогу продержаться так долго. А твой старик пил?

– То был еще один секрет его успеха.

– Мой тоже попивал. Вообще-то потому и помер. Случилось это пару лет назад, и теперь меня достает одна мысль: то, что он умер в одиночестве. Печень не выдержала. Мама к тому времени уже умерла, от рака, он остался один-одинешенек, а я не смог находиться у его смертного ложа, как следовало, потому что был на севере штата. Ну и он умер в своей постели совсем один. Черт, и ведь это уже не исправить, верно?

Мне не хотелось думать о том, что я мог и должен был исправить в своей жизни.

– Отложим пока что на полку, – так часто говорил мне Джим Фейбер. – Сегодня перед тобой стоят две задачи. Первая – ходить на встречи анонимных алкашей, вторая – не пить. Постарайся прежде всего справиться с ними, а остальное наладится само собой.

– Ты вроде бы подался в копы, Мэтт. Или я спутал тебя с кем-то?

– Нет, все верно. Но вышел в отставку несколько лет назад.

Он приподнял руку – в знак того, что мысленно чокается со мной, пьет за столь знаменательное событие. Я просто кивнул.

– Не знаю, слышал ли ты, но я пошел другой дорожкой, – произнес он.

– Вроде слышал.

– Я сказал, что находился на севере штата. Был тогда «гостем» тамошнего губернатора. Сидел в «Грин хейвен». Нет, не за ограбление инкассаторской машины, которое произошло в пятидесятом году в Бостоне, и Великим ограблением поезда это тоже не было. Я вот что учудил. Взял «пушку» и вошел в винный магазин. Причем это случалось не впервые.

Я не знал, что ответить, да он, похоже, ответа и не ждал.

– У меня был очень смышленый адвокат, – продолжил Джек. – Он устроил так, чтобы я заключил со следствием сделку, признал свою вину, и все остальные обвинения были сняты. Знаешь, что тут самое сложное? Ты должен выступить с обращением. Тебе знаком этот термин?

– Должен предстать перед судом и рассказать, что натворил.

– Мне была ненавистна сама мысль об этом. Просто жуть до чего не хотелось это делать. И я стал искать обходные пути. Ну, неужели просто нельзя сказать «виновен» и покончить с этим? Но мой парень твердил мне – нет, ты все должен сделать как положено, подробно рассказать, как оно было. Или так, или сделка со следствием отменяется. Ну, я еще не совсем сумасшедший, и сделал то, чего от меня хотели. И знаешь, что самое удивительное? Стоило мне отстреляться, и я испытал такое облегчение!

– Потому что все закончилось.

– Потому что, сказав это, я словно очистился. Будто достиг высокого Пятого уровня или ступени в этой игре, Мэтт. Словно предстал перед самим Господом Богом и всеми людьми сразу и сбросил эту тяжесть с плеч. Нет, не последнюю тяжесть, лишь ее малую часть, но, когда программа заработала и они сказали мне, что надобно делать, я сразу все понял; все обрело смысл. Я понял, увидел, как это работает.

– Двенадцать ступеней, через которые должны пройти анонимные алкоголики, – как-то сказал мне Джим Фейбер, – они не для того, чтобы ты сохранял трезвость. Не пей – и будешь трезвым.

Просто ступени делают эту трезвость более комфортной для тебя, чтобы ты, пройдя их все, перестал чувствовать потребность в выпивке. Рано или поздно я их преодолею.

И вот я признался сам себе, что не в силах устоять перед алкоголем, который делает мою жизнь неуправляемой и невыносимой. Это была Первая ступень. И теперь я мог стоять на ней сколь угодно долго.

И еще я не слишком спешил подняться хотя бы ступенькой выше. По большей части все собрания, которые я посещал, начинались с перечисления ступеней, а если и нет, то список их был вывешен на стене – не хочешь, а прочтешь. Четвертая ступень выглядела как детализированный внутренний отчет перед собой, и ты садился и все записывал. Пятая ступень была сродни исповеди – ты делился всем этим дерьмом с другим человеком, чаще всего со своим поручителем.

– Есть люди, – говорил Джим, – которые не пьют десятилетиями, и это притом, что не проходили ни через какие-то там ступени.

Размышляя о ступенях, я прослушал, что говорил мне Джек, но потом врубился и понял: он рассуждает о «Грин хейвен», причем в таком тоне, словно эта тюрьма – самое лучшее, что когда-либо выпадало ему в жизни. Это она подвела его к программе.

– Я ходил на собрания, потому что то был шанс хотя бы час посидеть в удобном кресле вне зоны, – признался он. – И потом, в тюрьме проще оставаться трезвым и в ясном уме, просто потому, что невозможно пить жуткую дрянь, которую

готовят заключенные, или же покупать «колеса», которые протаскивает и продает там всякое жулье. И еще, знаешь, не могу сказать, что виню алкоголь за то, какой оборот приняла моя жизнь, потому как я выбрал ее сам. Но, когда стал ходить на собрания, до меня, наконец, дошло: всякий раз выискивая приключения на свою задницу, я был под мухой. То есть без вариантов. Я сам делал выбор, осознанно хотел совершить преступление, а когда принимал решение, был пьяным или обкуренным. Эти два состояния, понимаешь, всегда рядом, неразделимы. Тогда я впервые понял это.

Итак, в тюрьме Джек оставался трезвенником. А потом его выпустили, и он приехал в Нью-Йорк. Снял одноместный номер в дешевой гостинице, что в двух кварталах от Пенн-стейшн, и уже на третий день пил купажированный виски за углом, в забегаловке «Гостиная терминал».

– Называлась так из-за места расположения, – пояснил он. – Но это название подошло бы заведению, даже если бы оно находилось в самом центре Джексон-хайтс[6 - Джексон-Хайтс – престижный район в северо-восточной части Нью-Йорка, входит в Куинс.]. Словом, мерзкая, грязная забегаловка, во всех отношениях.

Видимо, это было не совсем так. Линия его жизни приобрела зигзагообразные очертания, и тянулась она года два. За это время неприятностей с законом у него не случалось, но из баров он практически не вылезал. Пытался заставить себя пойти на собрание анонимных алкоголиков, но всякий раз что-то мешало, тогда он говорил себе: «Да какого черта!» – а потом вдруг оказывался в баре или обнаруживал, что присосался к бутылке. Джек прошел несколько курсов детоксикации, страдал от все более долгих приступов тяжелейшего похмелья, понимал, что грозит ему в ближайшем будущем, но не знал, как это предотвратить.

– А знаешь, Мэтт, – вздохнул он, – еще мальчишкой я решил, чем буду заниматься, когда вырасту. Попробуй догадаться, чем именно? Сдаешься? Копом. Я хотел стать копом. Носить синюю униформу, защищать людей от преступников. – Он поднял кофейную чашку, она оказалась пустой. – Наверное, и ты мечтал о том же, но в отличие от меня просто пошел и стал им.

– Просто так получилось. – Я пожал плечами. – Вообще-то я мечтал стать Джо Димаджио[7 - Джозеф Пол Димаджио (1914–1999) – американский бейсболист, выдающийся игрок за всю историю бейсбола; был мужем Мэрилин Монро.]. И

если бы не полное отсутствие спортивных данных, возможно, и воплотил бы в жизнь эту свою мечту.

– А у меня был другой недостаток – полное отсутствие моральных принципов. Сам понимаешь, к чему это привело.

Он продолжал пить, поскольку не мог остановиться, время от времени посещал собрания анонимных алкоголиков, потому как идти ему больше было некуда. А однажды, после собрания, его отвел в сторону очень странный тип и…

– Он был голубым, Мэтт, геем, а гей для меня все равно что придурок. Я таких на дух не переношу. Типичный гей, вырос в каком-то районе супер-пупер, в колледже был членом «Лиги плюща», ну и занимался потом дизайном ювелирных украшений. Плюс он был лет на десять моложе меня, даже больше, и выглядел так, словно ветер скоростью за двадцать миль в час мог подхватить его и унести в страну Оз. Словом, как раз той породы типчик, к которому бегут за советом, не иначе. Короче, он усадил меня и сказал, что я использую эту программу как вращающуюся дверь. То выскочу, то снова заскочу, но только всякий раз, когда возвращаюсь, от меня остается немного меньше самого себя. И единственный способ переломить ситуацию – начинать каждое утро с чтения «Большой книги»[8 - «Большая книга» – периодическое издание «Общества анонимных алкоголиков», где перечислено, сколько тысяч женщин и мужчин избавились от этой зависимости; названа так по толщине первого тома, изданного в 1939 г.], а по вечерам читать «Двенадцать и двенадцать»[9 - «Двенадцать и двенадцать» (полное название «Двенадцать шагов и двенадцать традиций») – книга одного из основателей «Общества анонимных алкоголиков».] и очень серьезно относиться к каждой ступени. Я смотрел на него, этого жалкого сморчка педика, на типа, с которым у меня меньше общего, чем с марсианином, а потом вдруг попросил его о том, о чем никогда прежде никого не просил. Предложил стать моим поручителем. И знаешь, что он ответил?

– Догадываюсь, что «да».

– «Я очень хочу быть твоим поручителем, – ответил он, – вот только не знаю, способен ли ты это вынести». Черт, дружище!.. Если вдуматься, разве был у меня выбор?

Джек стал ходить на собрания каждый день, а иногда и по два-три раза на дню. И звонил своему поручителю каждое утро и каждый вечер, и первое, что делал, вставая с постели, бухался на колени и благодарил Господа за то, что тот помог ему воздержаться от выпивки. И еще читал «Большую книгу» и «Двенадцать и двенадцать», прорабатывал все ступени вместе со своим поручителем, и, уже не впервые, дошел до девяноста дней, а потом и до шести месяцев, и девяти месяцев, и до целого года, чего никак не удавалось прежде.

Когда он подошел к Четвертой ступени, поручитель заставил его написать обо всех неправедных поступках в жизни и предупредил: если Джек что-то утаит, дальше ему не продвинуться.

– Все равно что выступать с обращением в суде, – добавил поручитель. – Сознаваться в каждом, даже малейшем проступке.

А потом они уселись рядом, и Джек стал читать вслух то, что написал. Поручитель то и дело останавливал его и просил прокомментировать то или иное высказывание, или же что-то уточнить.

– Ну и когда мы с этим покончили, – продолжал откровенничать Джек, – он спросил, каковы мои ощущения, и я… Понимаю, выразился не слишком прилично, но сказал: «Чувство такое, словно только что проглотил самый огромный в истории человечества кусок дерьма».

И вот теперь Джек не пил уже шестнадцать месяцев, и пришло время исправлять старые ошибки. На Восьмой ступени он составил список людей, которым причинил зло или обидел, стал думать, как это исправить. Но тут подошел черед Девятой ступени, а это означало, что пора действительно перейти к конкретным действиям по исправлению ошибок, а это не так-то просто.

– Но разве у меня был выбор? – Он покачал головой. – Господи! Ты только посмотри на часы. Ты выслушал всю мою историю. Только что выслушал трех выступивших на собрании, а теперь еще и меня. А я говорил дольше, чем все они, вместе взятые. Но думаю, мне это пошло на пользу – поговорить с человеком из детства и из старого района. Которого, как тебе известно, давным-давно нет. Старый район… Они все там снесли подчистую и пустили этот долбаный скоростной экспресс.

– Знаю.

– Наверное, он значил для меня нечто большее. Район, я имею в виду. Ты сколько там прожил? Года два?

– Около того.

– А я провел там все детство. Да от одной мысли, что его теперь нет, можно было спиться. «Бедный я бедный, дом, где я вырос, снесли, улиц, на которых играл в стикбол, больше нет, и ля-ля-ля, и ай-ай-ай». Но только не в доме и улицах дело. Мое детство – это целый мир событий и ощущений. И это никуда не исчезло, оно всегда со мной. И вся моя никчемная жизнь. Я должен с этим как-то жить и справляться. – Он взял счет. – Короче, вот такая история. Плачу я, а ты можешь считать этот жест началом исправления ошибок. Платой за то, что задолбал тебя своей болтовней.

Придя домой, я позвонил Джиму Фейберу, и оба мы пришли к мнению, что поручитель Джека, должно быть, настоящий садист и нацист. Но видимо, именно такой человек был ему нужен.

Перед тем как распрощаться, Джек дал мне свой номер телефона, а потому пришлось продиктовать ему мой. Я не большой любитель телефонных разговоров, и Джим – единственный человек, которому я звоню более или менее регулярно. Была одна женщина в Трайбеке, скульпторша Джен Кин, с ней я обычно проводил ночь с субботы на воскресенье и следующее утро, мы созванивались по два-три раза на неделе. Если не считать этого, звонил я по телефону крайне редко и часто попадал не туда.

Я переписал номер Джека Эллери в записную книжку и решил, что как-нибудь встречусь с ним, по чистой случайности. Или не встречусь.

Глава 3

Я увидел Джека Эллери через несколько месяцев на собрании анонимных алкоголиков. До этого мы с ним пару раз общались по телефону. Первый разговор состоялся вскоре после того, как я преодолел планку в девяносто дней. Тем вечером я выступал перед своей группой в подвале церкви Святого апостола Павла. Церковь эта находилась на углу Колумба и Шестнадцатой, всего в нескольких кварталах от моей гостиницы, и в «пьяные» дни я заходил туда поставить свечки за усопших и насладиться несколькими минутами тишины и покоя. Тогда мне в голову не приходило, что в подвале церкви проходят встречи анонимных алкоголиков.

И вот я сидел за столом перед собравшимися и рассказывал свою историю – постарался уложиться в двадцать минут. А потом все меня поздравляли, а затем собралась компания, и мы пошли выпить по чашечке кофе в «Пламя». А после этого я вернулся домой и позвонил Джен, и она тоже поздравила меня и напомнила, что происходит после девяноста дней. Наступает день под номером Девяносто Один.

Должно быть, на девяносто третий или девяносто четвертый день мне позвонил Джек Эллери, с поздравлениями.

– Я немного сомневался, стоит ли звонить, – признался он, – ты должен был преодолеть этот барьер, но ведь никогда не знаешь наверняка, правильно? И что бы ты почувствовал, если бы оступился, и тут вдруг звонит эта задница, поздравляет с тем, что ты продержался девяносто дней, чего на самом деле нет и не было? Я рассказал об этом моему поручителю, и тот напомнил, что я – не центр вселенной, что для меня, кстати, давно уже не новость. И что, если Господь уберегал тебя все это время от выпивки, ты тем более должен посочувствовать парню на том конце телефонной линии.

Через неделю или около того он позвонил снова, но это было воскресенье, и я еще с субботы находился в студии у Джен на Лиспенард-стрит. На следующее утро мы с ней пошли пить кофе в Сохо, в ее любимую забегаловку. Потом отправились на поздний завтрак, прогулялись по галереям на Западном Бродвее. Уже к вечеру я встретился с Джимом, у нас стало традицией ужинать вместе по воскресеньям. Этими вечерами мы предпочитали китайскую кухню, хотя не обязательно в одном и том же ресторане, ну а затем гуляли и болтали. Так что в тот день вернулся я в гостиницу довольно поздно, услышал сообщение Джека на автоответчике, но решил перезвонить завтра. И когда позвонил, никто к телефону не подошел, а автоответчика у него не оказалось.

Так мы играли в телефонные игры еще несколько дней, время от времени один из нас все же дозванивался другому, но говорить было особо не о чем.

Помню, он снова начал плести что-то про исправление ошибок.

– Вот, к примеру, – сказал он, – был у меня один дружок, с ним мы тусовались. Вместе грабанем пару лавок, затем садимся с бутылкой «Джонни Уокер дабл блэк» и талдычим друг другу, какие мы герои. Потом влезли в один маленький магазинчик в Виллидж, где продавали всякие там кастрюльки, сковородки и прочее посудное дерьмо. О чем только думали? И как считаешь, сколько наличмана оказалось у них в кассе?

Я вспомнил женщину на опознании.

– Ну и потом, он, наверное, напился и раскрыл «варежку» не перед тем человеком. Или я сам проболтался… кто помнит все это дерьмо? Но меня сцапали, и хозяйка лавки указала на опознании на бедолагу, он стоял рядом со мной. Ну а потом они пошли брать Арни. Господи, тот совсем слетел с катушек: схватил «пушку», псих, сукин сын ненормальный, и они просто изрешетили его пулями, потому как приказано было брать живым или мертвым, и никакой клиники «Бет Израэль»[10 - «Бет Израэль» – медицинский центр в Нью-Йорке, основан в начале XX в.] ему уже не понадобилось. Не я втянул его в преступную жизнь, не я его сдал, но парня пристрелили, как собаку, и тут уж я ничего не мог поделать. Даже украденные деньги не мог вернуть. И как теперь мне перед ним оправдаться? Как все исправить?

Позже Джек звонил еще раз и оставил сообщение, о том, что собирается выступать где-то в Вест-Сайде. Если я хочу послушать его историю, он будет очень рад меня видеть, а потом мы можем выпить по чашечке кофе. Я подумал, стоит ли, а позже просто вылетело из головы. Нет, мне нравился этот парень, и я желал ему только добра, но как-то не верилось, что мы с ним можем стать лучшими друзьями. Детство в Бронксе давно в прошлом, с тех пор дороги наши сильно разошлись, пусть даже позже мы и умудрились встретиться в одном и том же месте. Шансов, что я когда-нибудь снова стану копом, было мало, хоть я иногда и подумывал вернуться на службу. А вот будущее Джека казалось мне туманным. Если останется трезвенником, все у него будет нормально, а если нет… Тогда с ним может произойти что угодно, и мне вовсе не хотелось быть

рядом, когда это случится.

В следующий раз я с ним увиделся на встрече группы «Трезв сегодня» в помещении на углу Второй авеню и Восемьдесят седьмой улицы. Я не бывал здесь прежде и пошел лишь потому, что там должна была выступить Джен. Я не слышал ее «алкогольной» истории, хотя какое-то время был рядом, когда она пила. И вот мы договорились встретиться прямо там, а по окончании пойти куда-нибудь пообедать. Я нашел заведение, взял чашечку кофе и тут вдруг увидел в другом конце зала Джека Эллери. Он беседовал с ученого вида молодым человеком лет двадцати с небольшим.

Пришлось присмотреться повнимательнее, чтобы окончательно убедиться, что это Джек Эллери, потому как выглядел он ужасно. Нет, одет хорошо: в аккуратно отглаженные брюки цвета хаки и спортивную рубашку с длинным рукавом, но одна сторона лица сильно опухла, а под глазом красовался синяк. Вывод напрашивался однозначный. Люди непьющие обычно так не выглядят, если только они не боксеры или участники профессиональных кулачных боев. Я решил, что, несмотря на сосредоточение Джека на ступенях, преодолеть первую ему не удалось.

Стыд и позор, если он оступился, но такое случается, и то, что он все же пришел на встречу, говорило в его пользу. Однако у меня не возникло желания подойти к нему и пообщаться, а потому я постарался выбрать самое укромное местечко в зале, чтобы он меня не заметил. Ну а потом ведущий открыл собрание.

Формат встречи предполагал, что выступать будет только один оратор, а затем начнется обсуждение. Впрочем, поначалу они читали «Как это работает», о ступенях, традициях, приводили прочие отрывки из этой мудрости веков, и я отвлекся и размышлял о своем ровно до тех пор, пока не начался подсчет дней и круглых дат. И тут я немного передвинул свой стул, чтоб видеть Джека, и разумеется, заметил, как он тут же стал тянуть руку.

«Ничего удивительного», – подумал я и принялся ждать, когда его вызовут, чтобы он рассказал, сколько дней на этот раз продержался.

Ну вот, наконец, они закончили с подсчетами, круглыми датами и аплодисментами. Я услышал, как он сказал:

– Я Джек, и позавчера милостью Божьей и благодаря помощи друзей из «Общества анонимных алкоголиков» исполнилось ровно два года, как я не пью.

Ну и, разумеется, его наградили аплодисментами, и я тоже захлопал в ладоши, чувствуя себя полным идиотом. Как можно было так заблуждаться? С чего я вообразил, что Джек Эллери снова запил?…

Затем ведущий представил собранию Джен, и она принялась рассказывать свою историю. Я откинулся на спинку стула и внимательно слушал. Но раза два все же наклонялся вперед и чуть в сторону, чтобы взглянуть на Джека. Он был трезв, и это радовало. Но почему же тогда он выглядел так, словно кто-то пытался сделать из него отбивную?

Я встретился с ним во время перерыва.

– Так и подумал, что это ты, – кивнул он. – Проделал долгий путь от дома, верно? Вроде бы не видел тебя здесь прежде.

– Просто сегодня выступала моя подруга, – ответил я. – Впервые представился случай узнать ее подноготную.

– Что ж, дело того стоило, верно? Лично мне очень понравилось ее выступление. Да и чтобы попасть сюда, пришлось пройти всего два квартала.

– Когда закончится, мы собирались пообедать, – сказал я и сразу же спохватился – не стоило, наверное, делиться с ним этой информацией.

Я пошел на свое место, раскладывая в голове мысли по полочкам. Вообще-то поступил я правильно. Упоминанием об обеде с дамой я как бы отсек его дальнейшие попытки пообщаться, дал понять Джеку, что пить с ним кофе не собираюсь.

О синяке и опухшем лице спрашивать не стал, чувствовал, что не вправе поднимать этот вопрос, тем более что и он решил промолчать. Однако продолжал гадать, при каких обстоятельствах с ним это случилось. Увидев, что Джек во время обсуждения поднял руку, решил, что сейчас любопытство мое

будет удовлетворено.

Джен вызвала его не сразу, несмотря на все мои мысленные усилия как-то воздействовать на нее телепатически. Но в конце концов все же вызвала, и Джек поблагодарил ее за прекрасное выступление, нашел в их судьбах нечто общее, особенно в той части, как они переносили похмелье и периоды выпадения из действительности. Словом, наплел бог знает чего. И опять ни слова о своих синяках и шишках, ни слова о том, кто так разукрасил человека, который вот уже два года как завязал.

Собрание закончилось общей молитвой. Джек с приятелем, сидящим с ним рядом, и еще человек десять-двенадцать подошли к Джен пожать ей руку и поблагодарить за то, что поделилась с ними самым сокровенным. Я предпочел держаться в стороне. Помогал убирать стулья, расставлять их вдоль стенок. Я все еще возился с ними, когда Джек со своим дружком направился к двери. Но на полдороге он вдруг остановился и подошел ко мне.

– Теперь, конечно, не время, – начал Джек, – но мне очень нужно с тобой поговорить. Скажи, когда лучше позвонить?

Мы с Джен собирались пообедать скорее всего в немецком ресторанчике, она хотела попробовать их кухню. После этого нужно проводить ее домой. Ночевать скорее всего останусь у нее, на Лиспенард-стрит. С утра ей на работу, так что смыться оттуда придется сразу после завтрака, и чем прикажете заняться? Сесть на метро и вернуться в гостиницу или же пойти туда пешком, раз времени навалом, а по дороге заскочить на дневное собрание. Вроде бы должно состояться одно в мастерской на Перри-стрит. Или можно пройти дальше и заглянуть на встречу в книжном магазине у церкви Святого Франциска Ассизского на Тринадцатой улице.

Видно, я сильно задумался, и это отразилось на моей физиономии, потому как Джек спросил:

– Что тут смешного, а?

– Да просто подумал… – ответил я. – Слышу, что порой говорят люди. Будто специальная литература обучает нас трезвости, называет ее мостиком к нормальной жизни. Но иногда кажется, никакой это не мостик, а туннель к

очередному собранию.

– Грег тоже так говорит, – кивнул он.

Его друг подошел при упоминании своего имени, и Джек нас познакомил. Я не удивился, узнав, что он и есть поручитель Джека. В ухе у него была серьга, и я решил, что дизайн украшения он придумал сам.

– А, Мэтт из старого района, – протянул Грег. – Ныне полностью снесенного, заново построенного. И выглядит в реальности куда хуже, нежели в ностальгических воспоминаниях. Хотелось, чтобы когда-нибудь через мой старый район протянули ветку метро. Или же изменили русло реки, и оно пролегало бы там.

– Вроде бы кто-то однажды такое учудил, – заметил я. Грег напомнил, что это был Геркулес, расчищавший авгиевы конюшни.

– Геркулес совершил двенадцать подвигов, у нас двенадцать ступеней, – заметил он. – Кто говорит, что оставаться трезвенником просто?

Подошла Джен. Я приготовился схватить ее за руку и вывести отсюда. И сказал Джеку, что позвоню ему сам. Он возразил, предупредил, что большую часть дня дома его не будет. Тогда я сказал ему, что завтра днем вернусь в гостиницу и, если он так по мне соскучился, пусть звонит около двух.

Район Маленькая Германия Нью-Йорка находился в нижней части Ист-Сайда вплоть до гибели «Генерала Слокума» в 1904-м: прогулочное судно под этим названием загорелось и затонуло в Ист-Ривер. На борту находились тысяча триста местных жителей, отправившихся на экскурсию. Погибло около тысячи человек, и Маленькой Германии был нанесен смертельный удар. То был конец района, как если бы на его месте построили железную дорогу. Или же прорыли бы русло реки.

Оставшиеся обитатели выехали из Маленькой Германии, и большая их часть обосновалась в Йорквилле, в жилых кварталах между Восемьдесят шестой улицей и Третьей авеню. И район этот уже нельзя было назвать чисто немецким,

потому как здесь жили и чехи, и венгры, но в последнее время они начали переезжать оттуда из-за того, что стоимость ренты стала слишком высока для иммигрантов. И Йорквилль стал терять свою этническую принадлежность.

Но ничто не напоминало об этом в уютном небольшом зале ресторана «У Максла», где Джен долго изучала меню, а затем заказала телятину в маринаде с овощами, красную капусту и картофельные клецки. Все эти блюда она называла по-немецки. Официант, выглядевший довольно глупо в своих коротеньких кожаных штанишках, одобрил ее выбор или произношение, а может, и то и другое и прямо-таки расцвел в улыбке, когда я попросил принести мне то же самое. Однако на физиономии его отразилось крайнее неодобрение, даже отвращение, когда в ответ на вопрос, какое пиво предпочитают господа, мы сказали, что выпили бы по чашке кофе.

– Кофе я могу принести попозже, потом, – заявил он. – А хорошую немецкую еду положено запивать столь же добрым немецким пивом.

И тут вдруг я вспомнил вкус доброго немецкого пива, лучшие его сорта – «Бекс», «Сент-Паулиг», «Лёвенбрау», крепкие, с богатыми вкусовыми качествами. Я не собирался заказывать пиво, мне даже ни чуточки его не хотелось, но память о нем осталась. И я решил прогнать воспоминания, пока Джен втолковывала официанту, что сегодня вечером никакого пива он нам подавать не будет.

Обстановка была скромной, кругом одни туристы, но еда очень даже неплохая, и в конце мы заказали еще кофе, и даже съели какой-то сладкий и липкий десерт.

– Я бы так каждый день обедала, – заметила Джен, – если бы вдруг захотела весить фунтов триста. А тот парень с разбитой физиономией… Вроде бы он назвался Джеком?

– А что?

– Ты с ним разговаривал.

– Да я рассказывал тебе о нем.

– О том, что вы жили в Бронксе, верно? И один раз даже арестовал его.

– Не совсем, – ответил я. – Арестовывал его не я. Просто увидел на опознании. А потом его отпустили, потому что свидетель указал на другого парня. Кстати, я так и не сказал ему, что был на опознании.

– А я спросила, что у него с лицом. Промолчала бы, если бы он сам не напросился, сказал, что он не всегда выглядит таким «красавцем». В общем, превратил все в шутку, чтобы разрядить обстановку.

– А я однажды встретил Джорджа Шиаринга, – вспомнил я.

– Джазового пианиста?

Я кивнул:

– Кто-то нас познакомил, сейчас уже не припомню, кто и по какому случаю. И он с ходу выдал три или четыре шутки про слепых. Не слишком смешные, но не лишенные смысла. Допустим, встречаешь слепого человека и прекрасно понимаешь: он слеп, но научился убираться у тебя с дороги, привлекая внимание к своей слепоте.

– Да, примерно так же поступил Джек. А потому я не отстала и спросила, что же все-таки с ним произошло.

– И?…

– Взвалил всю вину на чертовы ступеньки. Сказал, поскользнулся на одной, упал и разбил лицо. Очевидно, его дружок увидел в том другой смысл, так выразительно закатил глаза. Я хотела спросить, что за ступеньки, но не успела и рта открыть, как он принялся снова благодарить меня за выступление, а потом отошел, чтобы пропустить ко мне другого человека.

– Девять, – пробормотал я.

– Девятая ступень? Или ты хотел сказать «нет» по-немецки?

– Он замаливает свои грехи. Во всяком случае, пытается.

– Когда я этим занималась, все сводилось к объятиям, слезам и извинениям. И еще пару раз – к недоуменным взглядам людей, которые никак не могли понять, за что же я извиняюсь.

– Что ж, наверное, у вас с Джеком разный круг общения. Да и просили вы прощения за несравнимые вещи.

– Однажды меня вырвало на одного парня.

– И он не врезал тебе по физиономии?

– Да он даже этого не помнил! По крайней мере сказал, что не помнит, думаю, из вежливости. Хотела спросить: разве можно такое забыть?

Я взял счет, решил расплатиться, как обычно, но она настояла, что платим пополам. А выйдя на улицу, вдруг заявила, что страшно устала, и не обижусь ли я, если она поедет домой без меня? На что я ответил, что это неплохая идея, потому как сам я тоже устал. Сегодня четверг, так что все равно увидимся через два дня. Я остановил такси, придержал дверцу, и тут Джен сказала, что может подбросить меня до гостиницы – это ведь почти по пути. Но я ответил, что пройдусь пешком, не мешает растрясти жир после десерта.

Я проводил взглядом такси, машина двинулась на юг, ко Второй авеню, и потом попытался вспомнить, когда последний раз пил немецкое пиво. У «Джимми Армстронга» подавали темное разливное, казалось, я до сих пор чувствую его вкус.

Я заставил себя пройти пешком два квартала, потом поймал такси.

Вернувшись в гостиничный номер, я разделся и принял душ. Потом позвонил Джиму Фейберу:

– Что, черт возьми, со мной происходит? Она сказала, что устала, и теперь мы увидимся только в субботу.

– Ты ведь хотел провести эту ночь у нее. Во всяком случае, так мне показалось.

– И еще она спросила, не против ли я такого расклада. Ну и я ответил, да, конечно, все нормально и просто прекрасно.

– А на самом деле думал и чувствовал другое.

– Меня так и подмывало сказать: да забудь ты о субботе, плюнь на нее. Отдохни как следует. На полную катушку, черт побери!

– Мило.

– И еще: большое спасибо, леди, но я поеду на другом такси. А вместо этого сказал, что хочу прогуляться пешком.

– Ага. Ну и как сейчас себя чувствуешь?

– Усталым. И еще – глуповатым.

– Что ж, одно другому не противоречит. Ты пил?

– Конечно, нет.

– А хотелось? – спросил он.

– Нет, – ответил я и задумался. – Разве что на уровне подсознания. Вообще-то хотелось немного. Так, самую чуточку.

– Но ты не пил.

– Нет.

– Ну и славно, – отозвался Джим. – Иди ложись спать.

Если не считать детства в Бронксе, видел я Джека Эллери всего три раза. Один раз на опознании через стекло, и еще два раза на собраниях анонимных алкоголиков.

Когда увидел его в следующий раз, Джек был мертв.

Глава 4

В пятницу утром я пошел позавтракать в «Утреннюю звезду», а потом прямо оттуда – в библиотеку Доннела на Западной Пятьдесят третьей. Накануне вечером в немецком ресторане мы говорили о крушении «Генерала Слокума», но я точно не помнил, когда это случилось и сколько людей там погибло. Нашел книгу с ответами на все мои вопросы, в том числе и на те, которые не пришли на ум, когда только начал ее читать. О том, что все ответственные лица непростительно пренебрегли тогда своими обязанностями – от владельцев судна до составителей маршрута. А в тюрьму угодил только капитан, и приговор, вынесенный ему, показался мне чрезмерно мягким за столь серьезное служебное преступление.

Насколько я понял из прочитанного, никто тогда не предъявил никаких гражданских исков, и я решил, что за три четверти века в мире нашем многое изменилось. Сегодня люди подают иск, даже если с головы слетела шляпа, пусть это чужая шляпа, и свалилась она на расстоянии большем, чем в полуквартале от них. И я пытался сообразить, хуже или лучше стало жить в нашей стране после бесчисленных судебных тяжб. Но затем решил не спешить с выводами, потому что прочитанное неизбежно должно было подвигнуть меня взять другую книгу.

За этим занятием я провел все утро, и прямо из читальни Доннела отправился на Шестьдесят третью улицу. Добрался туда вовремя, как раз к началу очередного собрания в половине первого. Закончилось оно через час, и я остановился у ларька. Купил кусок пиццы и бутылку кока-колы – в самый раз для завтрака, хотя не думаю, что выбор вызвал бы восторженную улыбку у приверженцев здорового питания. В гостиницу я вернулся примерно в два пятнадцать – в ячейке у стойки меня ждали два сообщения. Первый звонок поступил в десять сорок пять, ко второму я опоздал минут на десять, не больше. Оба раза это был

Джек, и оба раза обещал перезвонить позже.

Я поднялся к себе в номер и позвонил ему – на случай, если он вдруг окажется дома или установил автоответчик. Дома его не было, автоответчик тоже не появился.

Я проторчал в номере до обеда. Но идти никуда не хотелось, к тому же под рукой оказалась интересная книжка. Нет, не то чтобы я решил дождаться от него звонка, но время можно было провести с пользой. Телефон звонил всего раз – Джен подтвердила намерение встретиться со мной в субботу вечером. Потом спросила, действительно ли я вчера прошел пешком от ресторана до гостиницы.

– Прошел два квартала, – отозвался я, помедлив, – а потом подумал: к чертовой матери все это, и взял такси.

Мы еще раз уточнили, где и когда встретимся, и я повесил трубку, дивясь, почему мне так хотелось сразу сказать ей: «Да, представляешь, пешком прошел весь путь от Йорквилля до гостиницы». И что еще? Что теперь у меня болят ноги и распухли лодыжки? Что меня ограбили или пытались пристрелить по дороге и что это целиком ее вина?

Вместо этого я немного помедлил и сказал ей чистую и малоинтересную правду. А она упустила шанс и не стала напоминать мне о том, что я мог бы сэкономить пару баксов и поехать на такси с ней. Думаю, вы вправе отметить: некий прогресс в наших отношениях все же наблюдался.

В пятницу вечером я пошел на собрание в церкви Святого Павла. Видел там Джима, но тот пожаловался на головную боль и в перерыве ушел домой. Потом я присоединился к небольшой компании, мы пошли выпить кофе. Главной темой пересудов стала одна из наших женщин, оказавшаяся лесбиянкой.

– Я знал, что Пиджин из этих, – сказал Мартин. – Вычислил ровно через десять минут после нашего знакомства. Но надеялся, что мне повезет до того, как она сама это поймет.

– И уже рисовал в своем воображении любовь втроем, – заметил кто-то.

– Ничего подобного. Я парень без комплексов. Просто хотел трахнуть ее пару раз прежде, чем она окончательно превратится в лесбиянку.

– Но твоя Высшая Сила могла иметь другое мнение на этот счет.

– Моя Высшая Сила, – ответил Мартин, – словно в рот воды набрала. Моя Высшая Сила, мать ее, спала. Вырубилась, будто ее отключили.

Суббота выдалась холодной и дождливой. На завтрак я решил не ходить и заказал ленч в ближайшей закусочной. Паренек, доставивший еду, походил на тощую и мокрую утопшую крысу, а потому получил от меня на чай больше положенного.

Весь день я провел перед телевизором, переключался с одного канала на другой в перерывах между двумя бейсбольными матчами студенческих команд. Не слишком вникал в то, что показывают на экране, но все лучше, чем смотреть на дождь за окном. А потом подумал, что просидел в номере достаточно долго и что Джек вполне мог мне дозвониться.

Но телефон молчал. Я сам пару раз снимал трубку и набирал номер, но никто не подходил. Я даже немного разнервничался, хоть и не испытывал неукротимого желания говорить с ним. С другой стороны, не хотелось, чтобы меня и дальше засыпали бесчисленными сообщениями о его звонках.

И вот я сидел у себя в номере и, когда не смотрел на экран телевизора, поглядывал в окно на дождь.

Мы с Джен договорились встретиться в ресторане «Малберри и Хестер», что в районе Маленькая Италия. Мы побывали там пару раз, еда и атмосфера понравились. Я пришел пораньше. Места мы не зарезервировали, но администратор все же нашла свободный столик. Минут через десять появилась Джен. Еда была великолепная, обслуживание – отличное, и мне выдалась возможность оживить беседу, когда у стойки бара я заметил джентльмена плотного телосложения – я арестовывал его лет десять или двенадцать тому назад.

После обеда неплохо было бы прогуляться, но на улице все еще лило, похолодало, так что прямо из ресторана мы отправились на Лиспенард-стрит, сварили кофе и стали слушать пластинки – Сару Во, Эллу, Эдди Горме. А чем еще заниматься дождливым октябрьским вечером, как не сидеть в тепле и уюте и наслаждаться музыкой? Но еще за обедом между нами возникла напряженность, и ощущение, что нас что-то разделяет, не проходило.

И тут я взмолился: неужели? Неужели именно так до конца дней своих мне предстоит проводить каждый субботний вечер?

В постель мы отправились уже за полночь, поймав по радио волну, всю ночь передающую джазовую музыку, и лежали в темноте, и старались доставить друг другу немного радости. А после этого я вдруг почувствовал: что-то промелькнуло и затаилось в темноте, какая-то мысль на самой окраине сознания. Но я отмахнулся от нее и вскоре провалился в сон.

Несколько месяцев назад я перевез в мастерскую Джен часть своей одежды. Она освободила для нее один ящик комода и пару вешалок в платяном шкафу. Так что чистые носки и пара нижнего белья у меня тут имелись, было что надеть после душа. И свежая сорочка висела в шкафу, и я оставил всю грязную одежду ей на стирку.

– Скоро у тебя год, – сказала она за завтраком. – Сколько осталось, около месяца?

– Недель пять или шесть. Что-то около того.

Я думал, у нее есть что сказать по этому поводу, но если даже было, Джен почему-то решила промолчать.

Тем вечером я встретился с Джимом Фейбером в китайском ресторанчике на Девятой авеню. Никто из нас не бывал здесь прежде, но мы решили, что заведение нормальное, хоть и ничего особенного. Я рассказал ему о вечере с Джен. Он внимательно выслушал, поразмыслил, а потом напомнил, что скоро будет год, как я не пью.

– Она то же самое сказала, – кивнул я. – Но какое это имеет значение?

Он пожал плечами. Видимо, считал, что я сам должен ответить на вопрос.

– И никаких особых перемен за этот год не произошло. Это называется житейская мудрость?

– Так они говорят.

– Короче, мне осталось продержаться пять-шесть недель. И за это время я должен решить, как будут складываться отношения между мной и Джен.

– Нет.

– Почему нет?

– У тебя есть пять или шесть недель, чтобы не решать, – ответил он.

– Вон оно как…

– Улавливаешь разницу?

– Думаю, да.

– Нельзя ничего менять до тех пор, пока не исполнится год. И никаких решений принимать не надо. Ты не обязан предпринимать какие-либо действия. Это самое главное – не предпринимать никаких шагов до тех пор, пока не исполнится ровно год.

– Понял.

– С другой стороны, – продолжил Джим, – тут у нас речь зашла о твоей личной жизни. У нее тоже может быть своя личная жизнь. Ты трезв вот уже год, и тебе решать, болтаться и дальше, как дерьмо в проруби, или действовать. Согласен?

– Ну, возможно.

– Сам знаешь, – добавил он, – выждать год – это общепринятое правило. А некоторым людям советуют ничего не менять в своей жизни на протяжении первых пяти лет.

– Издеваешься?

– Или даже десяти, – буркнул он.

Очередная встреча проходила в здании госпиталя Сент-Клэр. Большинство участников только что прошли здесь процедуры детоксикации, а потому особой адекватностью не отличались. Было очень трудно заставить их не спать, и почти невозможно заставить хоть кого-то говорить. Мы с Джимом уже бывали здесь несколько раз, и нам редко доводилось выслушивать такую бредятину, но, с другой стороны, это могло послужить хорошим уроком.

Я провожал его домой, и тут вдруг Джим сказал:

– Запомни, это очень важно. Будда примерно так говорил: «Источником всех твоих несчастий является неудовольствие по тому или иному поводу».

– Сам Будда? – спросил я.

– Ну, мне так сказали, хотя должен признаться, когда он это изрекал, меня там не было. Ты удивлен?

– Ну, – протянул я, – вот уж никогда бы не подумал, что в его высказываниях кроется такая глубина.

– Это ведь не кто-нибудь, а Будда.

– Так его все здесь называют. И сам себя он так называет. Здоровенный парень, ростом не меньше шести футов и шести дюймов, с бритой башкой и толстым животом. Частенько бывает на полуночных собраниях в Моравской церкви[11 - Моравская церковь – протестантская церковь, берет свое начало с XV века, основана реформатором Яном Гусом.], но и в других местах иногда появляется.

Вроде бы раньше был отвязным байкером, до поры до времени, и еще я думаю…

На лице его возникло столь странное выражение, что я резко остановился. Джим покачал головой:

– Тот, настоящий Будда, сидел под священным деревом Бодхи? Ждал просветления?

– Я думал, он под яблоней сидел и открыл закон гравитации.

– Это Исаак Ньютон.

– Если Ньютон, значит, Будда сидел под фиговым деревом, верно? Будда, это же надо! Послушай, тут какая-то ошибка природы. Единственный Будда, которого я знаю, это парень из Моравской церкви. И все время, если не ошибаюсь, околачивается по самым хулиганским барам на Вест-стрит. Хочешь опять поделиться со мной, рассказать об источнике всех своих несчастий?

Проводив его до дома, я вернулся к себе в гостиницу. Я заходил туда раньше, проверил почту, удивился, что сообщений нет. И на этот раз в ячейке не было ровным счетом ничего. Я спросил парня за стойкой регистрации, тот ответил, что пару раз мне звонил какой-то человек, но не назвался и сообщений не оставлял. Единственное, что он мог сказать: звонил мужчина.

«Джек, – подумал я, – и он перестал оставлять мне сообщения, потому как толку от них никакого».

Я поднялся к себе и уже снимал пиджак, когда зазвонил телефон.

– Мэтт? – послышался незнакомый голос. – Это Грегори Стиллмен.

– Не думаю, что припоминаю…

– Мы виделись на днях на собрании «Трезв сегодня». Нас познакомил Джек Эллери.

– Ах да, вспомнил. – Ну, конечно, поручитель Джека, дизайнер ювелирных украшений, и одно из них болтается у него на ухе. – Вот только фамилию вы не называли.

– Нет. – Он тяжело вздохнул. – У меня очень плохие новости, Мэтт.

Глава 5

Поминальная служба по усопшему Джону Джозефу Эллери проходила в понедельник днем, в подвальном помещении той же церкви, где в четверг вечером рассказывала свою историю Джен. На сегодня не было запланировано собраний анонимных алкоголиков, и Грегу удалось договориться со священнослужителями провести отпевание именно там. У меня создалось впечатление, что все тридцать или около того скорбящих, посетивших церемонию, знали Джека только по собраниям анонимных алкоголиков.

Все, кроме двух мужчин в костюмах, которые они носили как униформу.

«Копы», – догадался я.

Они следовали давней традиции присутствовать на похоронах и церковных службах на случай, если там объявится какой-либо интересующий их человек. Я сам посещал эти мероприятия несколько раз и не припомню, что узнал хоть что-то для себя полезное. Это, впрочем, не означает, что всегда происходит именно так.

Обряд не был религиозным, в зале не присутствовали священники. Войдя, я услышал доносящиеся из проигрывателя звуки музыки, что-то классическое, и я ее знал, но никак не мог вспомнить композитора. И когда она смолкла, со своего места поднялся Грег Стиллмен. На нем был темный костюм, серьгу он оставил дома.

Грег представился, сказал, что был другом Джека и его поручителем. И минут за пять или около того рассказал пару историй. В какой-то момент он, как мне показалось, находился на грани срыва от обуревающих его эмоций, перестал

говорить, выждал секунду-другую, а потом продолжил.

Затем по очереди вставали другие люди и делились воспоминаниями о Джеке. Все точно, как на встрече анонимных алкоголиков, просто не надо было ждать, когда тебя вызовут. И еще речь шла только о Джеке. Помимо всяких забавных случаев, происходивших с Джеком, когда он вел неправедную жизнь и много пил, часто упоминалось о том, что он нашел в программе надежду и утешение, действительно переродился, проходя пресловутые двенадцать ступеней. И, благодарение Богу, умер трезвым, как стеклышко.

Что ж, это утешало.

Церемония завершилась пением. Перед присутствующими предстала эфемерного вида молоденькая женщина с огромными глазами и прозрачной кожей. Сказала, что зовут ее Элизабет, что она алкоголик, что не слишком хорошо знала Джека, но разделяла его стремление к трезвости.

И тут Грег попросил ее спеть, и она с радостью согласилась. Исполнила а капелла переложение «О, Благодать»[12 - «О, Благодать» – христианский гимн, написанный английским священнослужителем и поэтом Джоном Ньютоном (1725–1807).], добавив один стих, новый для меня. Незадолго до того как стал трезвенником, я слушал этот гимн на диске в исполнении Джуди Коллинз, и играли его на похоронах одной шлюхи. То исполнение было блестящим, но надо сказать, эта версия тоже оказалась вполне пристойной.

Имелась в помещении и кофеварка – ведь собрались тут не кто-нибудь, а целая толпа анонимных алкоголиков, – и по завершении церемонии люди потянулись к ней. Я обернулся посмотреть, где копы, был уверен, что и они не прочь выпить кофейку на халяву. Но парней в штатском видно не было. И тогда я направился к выходу. Но тут кто-то окликнул меня.

Это был Грег. Подошел, взял под руку и спросил, есть ли у меня минутка.

– Всего несколько минут, – сказал он. – Нам непременно надо поговорить. И еще я хочу просить вас об одном одолжении.

В следующий раз я увидел Джека Эллери уже мертвым.

Мы с Грегом стояли в смотровой морга и долго смотрели на останки человека, которого оба знали. А потом он произнес:

– Да, это он. Это Джек Эллери.

Я кивнул в знак согласия, а затем мы вышли на улицу.

Выйдя, Грег тут же поднял воротник – ветер пробирал до костей. Потом он спросил, обещали сегодня дождь или нет. Я ответил, что прогноз погоды с утра не слушал. Он заметил, что вообще не понимает этих прогнозов.

– Они рассказывают о том, что произойдет с погодой в ближайшем будущем, – пожал плечами Грег. – И даже если по большей части ошибаются, говорят уверенно. Но что означают все эти проценты? Как понимать: вероятность дождя пятьдесят процентов? Как реагировать на это? Брать с собой половину зонтика, что ли?

– Если сказать пятьдесят процентов, тогда ошибки с их стороны не будет.

– Вот именно. Что ж, вчера обещали десятипроцентную вероятность, а дождь лил весь день. Не слишком ли смелое предположение? Лишь потому, что ты метеоролог, ты не должен прикрывать свою задницу. – Он перевел дух. – Никогда не спрашивал вас об этом, но как вы предпочитаете, чтобы к вам обращались: Мэтт или Мэтью?

Меня устраивало и то и другое, но если так ответить, люди почему-то смущаются и не знают, как себя вести.

– Мэтт вполне сойдет, – ответил я.

– Так вот, Мэтт, почему они настаивают на официальном опознании? Не понимаю! Он сидел в тюрьме, есть в картотеке полиции, они уже установили личность по отпечаткам пальцев. А что, если у человека нет ни одного близкого родственника или знакомого, как тогда они проводят опознание? Прекрасно

обходятся и без него, верно?

– Само собой.

– Нет, я определенно не хотел бы видеть его таким. Моего отца хоронили в открытом гробу. И он лежал там, прямо как экспонат из Музея Мадам Тюссо. Этот образ так и остался со мной навеки – безжизненная восковая фигура. У нас с ним были проблемы, Господь свидетель. Он хотел иметь совсем другого сына и всегда ясно давал это понять. Но последняя его болезнь сблизила нас, и в конце между нами воцарились и любовь, и взаимное уважение. Я бы хотел запомнить отца совсем другим – сильным, деятельным. Я знал, что это случится, я боялся. В то же время, прощаясь, просто не в силах был заставить себя долго на него смотреть. Вы поняли, о чем я?

– Когда это случилось?

– Чуть больше года назад. А что?

– Возможно, со временем все пройдет. – Я вздохнул. – Более ранние воспоминания вытеснят эти, последние.

– Уже вроде бы началось. Не знаю, можно ли доверять своим ощущениям, они мне кажутся не вполне реальными. Или же навеяны тоскливыми воспоминаниями.

– Возможно, именно ими и навеяны, – кивнул я. – Но все равно реальны. Мы склонны запоминать людей такими, какими те были, или по крайней мере какими мы их знали. У меня была тетушка с болезнью Альцгеймера, последние десять лет прожила в специализированном заведении. Проклятая болезнь сжирала ее мозг и личность, и вообще все, что делало ее человеком. Такой я ее и запомнил.

– Боже…

– А потом, когда ее не стало, все это померкло, ушло, и ко мне вернулась прежняя, настоящая тетушка Пег.

– Сегодня я почти на него не смотрел, – признался Грег за кофе. – Видел одни сплошные раны.

Джека убили двумя выстрелами – в рот и лоб. Они показали нам тело, откинув простыню с головы до шеи, так что если имелись другие раны, мы их не видели.

– Надеюсь, вы правы, – вздохнул Грег. – Ну, в том, что страшные образы со временем меркнут. Но для меня, боюсь, это скоро не произойдет. Спасибо вам. Спасибо за то, что согласились со мной пойти.

Мне не очень хотелось продолжать общение с ним, просто духу не хватало сказать «нет».

– Я вообще не хотел идти, – признался Грег. – И уж тем более идти туда один. Я мог бы найти кого-то другого, какого-нибудь друга Джека из «Анонимных алкоголиков», но сделал правильный выбор, попросив вас. Спасибо вам огромное.

Мы вышли из морга и направились к северу по Пятой авеню. Зашли в кофейню «Майконос», что сразу за Сорок второй улицей. Когда Грег заказал сандвич с сыром на гриле, я вдруг понял, что страшно проголодался, и тоже попросил принести мне сандвич.

– И потом, – сообщил он, – я хочу поговорить с вами еще кое о чем.

– Вот как?

– О тех двух мужчинах на церемонии. Они держались в стороне. Это офицеры полиции.

– Да, я сразу понял.

– И мне не нужен был никакой радар, потому как я видел их жетоны во время допроса. Вообще-то именно они попросили меня прийти на официальное опознание. Я спросил, насколько они близки к раскрытию, но услышал нечто неопределенное.

– Неудивительно.

– Как думаете, они раскроют это дело?

– Возможно, уже раскрыли, – ответил я. – В том смысле, что знают, кто это сотворил. Но, разумеется, нужны железные улики и доказательства, чтобы довести дело до суда.

– А вы не могли бы выяснить?

– Известно ли им, кто это сделал?

Он кивнул.

– Думаю, поспрошать можно. Простой человек ответа не добьется, но у меня остались кое-какие людишки в департаменте. А зачем это вам?

– Есть причины.

Он определенно предпочитал не распространяться на это тему. Я не стал настаивать.

– Посмотрим, может, кто что и скажет. Но у меня уже есть догадка, кто именно прикончил Джека.

– Правда?

– Имени не назову, – покачал я головой. – И пожалуй, будет правильнее сказать, я догадываюсь, почему его убили. Кто-то хотел заткнуть ему рот.

– Ему выстрелили прямо в рот.

– Причем с очень близкого расстояния. Судя по всему, кто-то вставил ствол ему в рот и спустил курок. И сделал это уже после того, как ему проделали дырку во лбу. Теперь приплюсуйте сюда Девятую ступень, о которой говорил Джек, и послание становится вполне очевидным.

– Этого я и боялся, – пробормотал Грег.

– Вот как?

Он посмотрел на свои руки, потом поднял на меня глаза.

– Это я его убил, – произнес он.

Глава 6

Детектив Деннис Редмонд был приписан к Девятнадцатому участку, что на Восточной Шестьдесят седьмой. Я позвонил, застал его в рабочем кабинете за письменным столом и спросил, где и когда ему будет удобно встретиться и потолковать со мной в тихом спокойном месте.

– Должен сделать несколько звонков, – ответил он, – и могу выметаться отсюда. Знаете заведение «Мальчик-менестрель»?

– Песню знаю.

– Это на Лексингтон, – сказал он. – Прямо за углом от нас. В два часа устроит?

Мальчик-менестрель на войну пошел,

И теперь он в списках павших…

Неудивительно, что это оказалась ирландская таверна. Я пришел туда на несколько минут раньше и занял столик в углу, сидя за которым сразу бы увидел, как войдет Редмонд. В ожидании, пока официант принесет содовую, я подошел к музыкальному автомату. Выбор ирландской музыки был большой, и я нашел и «Мальчика-менестреля» композитора Томаса Мура, и «Розу Трали»[13 - Трали – небольшой городок в графстве Керри на юго-западе Ирландии.] на обратной стороне. Обе эти песни исполнялись Джоном Маккормаком. Примерно четверть часа я сидел и слушал голос этого великого тенора, поющего о войне далекого прошлого, свидетелем которой не довелось стать ни мне, ни ему.

Но вот пластинка закончилась. Я сидел, пил содовую и время от времени поглядывал на часы, размышляя, как Маккормаку удалось проникнуться этой песней, «Розой Трали». И уже подумывал поставить пластинку заново и провести еще пятнадцать минут, чтобы понять это, но тут ровно в два часа двенадцать минут в дверях появился Редмонд. Он был на поминальной службе по Джеку. Тогда я сразу его узнал. И сейчас на нем был тот же костюм. Он замер на секунду, окинул беглым взглядом бар и столики – народу было немного – и направился прямо ко мне.

– Деннис Редмонд, – представился он. – А вы Мэтт Скаддер и почему-то не сказали, что были вчера на службе.

– Да, видел вас там, с еще одним парнем…

– Это был Рич Бикельски.

– Просто не знал, что это именно вы, пока вы сюда не вошли.

– Нет, надо же, как только догадались! – Он удрученно покачал головой. – День выдался трудный. Не мешало бы глотнуть чего-нибудь. А вы что пьете? Водку с тоником?

– Нет, содовую.

Редмонд выпрямился.

– Не думаю, что готов последовать вашему примеру.

Он решительным шагом направился к бару. А затем вернулся с высоким бокалом с бледно-янтарной жидкостью, в которой болтался кубик льда. Судя по всему, взял виски с содовой. Я поймал себя на том, что гадаю: что за виски, какой именно марки.

Он уселся, приветственно приподнял бокал и отпил глоток. Редмонд был плотным мужчиной с мясистым лицом и характерным для любителей виски ярким румянцем на щеках. Но в глазах сразу можно было прочесть – парень он непростой и с мозгами.

– Джо Дуркин звонил, замолвил за вас словечко, – сообщил он. – Сказал, вы свой. Работали в полиции, награждены золотым значком. Служили вместе с Джо?

Я покачал головой:

– Нет, познакомились около года назад. К тому времени я был уже несколько лет в отставке.

– Стало быть, работаете частным сыщиком.

– Верно.

– Но я так понял, вы двое неплохо ладите. Чем занимаетесь сейчас?

– Ну, подваливает время от времени работенка, – ответил я. – Но мой интерес к делу Эллери носит чисто личный характер.

– Вот как? – Он нахмурился. – Вы служили в Шестом и вроде бы однажды там проводили опознание с его участием. Ничего не вышло, но ведь это вы вели дело? Давненько было, несколько лет прошло.

В ответ на это я заметил, что в целом он правильно обрисовал ситуацию, но только дело вел не я, просто как зритель присутствовал на опознании, когда свидетельница указала на другого человека.

– Но познакомился я с Эллери гораздо раньше, – добавил я.

И объяснил, что мы детьми жили и учились в Бронксе.

– Друг детства, – протянул Редмонд. – Потом один становится плохим парнем, а другой идет служить в полицию. Проходят годы, и они сталкиваются лицом к лицу в темном проулке. Гремит выстрел. Думаю, мотив ясен.

– Вам, может, и ясен. И Барри Фицджеральд[14 - Барри Фицджеральд (1888–1961) – ирландский актер, обладатель премии «Оскар».] играл в этом кино роль священника.

Он отпил еще глоток, и я напрягся, уловив запах виски. Шотландский.

– А потом вы теряете друг друга из виду, – продолжил Редмонд, – и он впутывается в историю, попадает в тюрьму и выходит оттуда, а потом его убивают, и на поминальную службу приходят две дюжины знакомых из «Анонимных алкоголиков», и вот вы здесь, и пьете содовую. По-прежнему удивляетесь, что я стал детективом?

– Удивлен, что они не назвали вашего посредника в сделках.

– Это всего лишь вопрос времени, – кивнул Редмонд. – Так что кино то же самое, только теперь коп и преступник встречаются на собрании «Анонимных алкоголиков». И вместо Барри Фицджеральда у нас новое главное действующее лицо, которое управляет всем этим шоу. Как его там, Спеллмен? О господи, нет, это кардинал. Вот уж, ей-богу, перепутал! Стиллмен.

– Сказал, что говорил с вами.

– Пару раз. Похоже, воспринял утрату очень тяжело, но ощущение такое, что за всем этим шиком-блеском кроется крепкий орешек. Он ведь был поручителем Эллери, что бы оно там ни означало. Был нечто вроде ребе в этом заведении?

– Ну, вроде того.

– Из тех, кто помогает вывернуть душу наизнанку, направить на путь истинный?

– В целом вы правы.

– А у вас есть поручитель?

Я кивнул.

– Надеюсь, не Стиллмен?

– Нет.

– Надеюсь, вы, в свою очередь, не являетесь поручителем Стиллмена?

– Я недостаточно долго пробыл трезвенником, чтоб указывать людям, что и как им делать.

– Как долго? Или я не вправе задавать этот вопрос?

– Не знаю, кто тут вправе, а кто нет. В середине следующего месяца исполнится ровно год.

– А Эллери…

– Недавно отметил два года.

– Как раз вовремя, перед тем как пристрелили. Вам известно, кто его убил?

– Тот, кто хотел, чтобы он замолчал.

– Да, мы примерно того же мнения. «Вот тебе маленькая пулька, в самый раз для твоей большой пасти. Чтобы больше ее не разевал. Бах!» Но вот кто это мог быть, пока непонятно. Думаю, вы того же мнения о мотиве, и надеюсь на лучшее. Что-нибудь нарыть удалось?

– Нет.

– Но в каком направлении следует копать, а, Мэтт? Вы же детектив, и насколько понимаю, хороший. Где искать?

– Среди людей, с которыми он общался. Возможно, среди парней, с которыми сидел.

– Угу… А если эти поиски ни чему не приведут?

– Я бы, наверное, подождал, пока объявится человек, который знал что-то и может использовать это для шантажа. Или торга.

– Недавно освободившийся из тюрьмы?

– Верно.

– Иными словами, ждать, пока дело не прояснится само собой. Но есть одна закавыка. Это было бы возможно, если бы речь шла о громком убийстве, и жертвой стал человек известный и влиятельный. Тогда, конечно, другой разговор. Тогда вы могли бы развить активную деятельность, причем не важно, имели бы эти действия хоть какой-то смысл. Могу я спросить вас кое о чем, Мэтт? Эта жертва… Вы ведь знали его в прошлом. И недавно встретились снова, и оба стали трезвенниками.

– И что с того?

– Просто прикидываю, насколько вы с ним были близки.

– Достаточно, чтобы я пришел на похороны.

– Но никак не ближе?

– Нет. И занялся я этим делом только потому, что один человек попросил выяснить все, что могу.

– Догадываюсь: человек с серьгой в ухе. Почему я спрашиваю? Просто не хочу говорить ничего такого, что могло бы направить вас по ложному следу. Поймите меня правильно. А что касается самого дела, никто у нас в полиции не собирается просиживать ночами и потеть над ним. Как там говорится? О покойном или хорошо, или ничего?

– Говорят, покойного нельзя поминать дурным словом.

– Но иногда просто не получается. Он был преступником, вел непотребную жизнь за исключением двух последних лет, когда вдруг почему-то решил отказаться от бутылки и найти Бога. Неужели такое бывает? Вот сами вы нашли Бога?

– Некоторые люди находят.

Редмонд задумался, допил виски, поставил пустой бокал на стол.

– Значит, они крепки духом, – пробормотал он. – Хочу ли я разобраться в этом деле? Конечно, хочу. Всегда стремился до конца расследовать все дела, которые ко мне попадали, и проследить за тем, чтобы всех плохих парней судили и отправляли за решетку. Но каковы шансы? Ваш старый друг – парень никчемный. Дрянь, короче говоря. Да, последнее время капли в рот не брал, но в любой момент вполне мог сорваться, напиться и направить на человека ствол, правильно? Такое случается сплошь и рядом.

«Не всегда, – подумал я. – Хотя довольно часто. Тут он прав. Но не все же время».

– Так что очень хочется прояснить ситуацию, – кивнул Редмонд. – Блюдо подано, лежит на тарелке, а мама воспитала меня так, чтобы я съедал все до крошки. – Он похлопал себя по животу. – Урок, который я очень хорошо усвоил. Но сейчас на обеденной тарелке преступление, друг мой. И Джек Эллери выступает у нас в роли брюссельской капусты.

Глава 7

– Большинство людей просто переваривают ее, – пояснил Грег Стиллмен. – Если не переваривать, брюссельская капуста очень даже ничего на вкус.

– В следующий раз, когда увижу Редмонда, непременно расскажу ему об этом.

– Капусту поджаривают на кокосовом масле, встряхивая сковороду, ровно столько времени, чтобы она была готова, но осталась хрустящей. Ну а потом только и надо, что слегка посыпать ее карри – и пальчики оближешь.

– Верю.

– Но если слишком долго кипятить, тогда, конечно, получается кошмар. Это относится ко всему семейству капустных. Брокколи, простая белокочанная,

цветная. А запах, когда ее переваривают – о, просто мерзость! Я так понял, вы не поклонник семейства капустных?

– Такой запах стоит в дешевых многоквартирных домах, – ответил я. – Там всегда почему-то пахнет капустой и мышами. Если у бедности и есть запах, то, думаю, именно такой.

– И кто готовит капусту, нещадно переваривая ее при этом, чаще других?

– Беднота.

– Ирландская беднота, – поправил он. – И еще бедняки поляки. Нищие выходцы из Северной и Восточной Европы. Но времена меняются, и большинство из них вливается в средний класс. Так какой сейчас запах у бедности, как вам кажется? – Он задумался. – Это запах мокрой собачьей шерсти и чеснока.

В четверг вечером я вновь пришел на Вторую авеню, на собрание общества «Трезв сегодня». Там выступал какой-то лысеющий парень из Риджвуда в Куинсе, проработавший тридцать лет кассиром в банке. Он никуда не выезжал из дома, в котором родился, тем более что расположен тот был всего в трех кварталах от места работы. В этом доме на две семьи его родители снимали верхний этаж, а на нижнем жила девушка, на которой он женился, и молодые поселились наверху.

– Соседка, – шепнул мне Грег. – Все правильно, на ком еще он мог жениться?

Словом, то была скучнейшая история, какую я только слышал на собраниях, да и рассказывал парень монотонно и без эмоций. Отец его умер, затем через несколько лет умерла мать, и он с женой и маленьким ребенком переехал на первый этаж. А на втором этаже поселилась молодая пара.

– Что за восхитительно интересная жизнь, – пробормотал Грег. – Неудивительно, что бедняга пристрастился к спиртному.

Но дальше история становилась занимательней, во всяком случае, для слушателей. Парень начал попадать в больницы, где проходил курсы

детоксикации. По дороге с работы домой он взял в привычку заходить в бар и каждый день покупал там пиво, сначала одну бутылку, потом две. Не напивался в стельку, нет, не вырубался полностью, а похмелье выражалось лишь в чувстве жажды. Еще наутро немного побаливала голова, и от этого можно было избавиться, выпив большой стакан воды и приняв таблетку аспирина.

Короче, путь к алкоголизму оказался у него болезненно долгим, но чем еще располагает человек, кроме времени? Из банка его уволили, жена твердила, чтобы выметался, и не было дня, чтобы он чувствовал себя нормально. Консультант одной из больниц проникся к нему и уговорил пройти специальную программу, и парень посещал так много собраний анонимных алкоголиков, что в конце концов до него дошло: пить плохо. И он перестал. И теперь снова живет с женой, и его собираются восстановить на работе в банке.

– Вот истинная история успеха анонимного алкоголика, – заметил Грег, когда стихли аплодисменты. – Жаль, Милтон уже использовал оба названия.

– Милтон?

– Ну, да. «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». А знаете, что говорил о «Потерянном рае» Сэмюель Джонсон[15 - Сэмюель Джонсон (1709–1784) – английский литературный критик и поэт эпохи Просвещения.]?

– Готов биться об заклад, сейчас вы мне скажете.

– Он писал, что никто больше не захочет попадать туда. Это вполне соответствует тому, что вы сейчас слышали.

После этого каждый из нас надеялся, что второй предложит уйти во время перерыва, но брать инициативу на себя никто не захотел, и мы остались. Собрание продолжилось, и я узнал много хорошего и полезного. Потом мы остались и на молитву, затем помогали убирать стулья и вытряхивать окурки из пепельниц. Ну а затем направились по Третьей авеню и обсуждали по дороге высказывания участников встречи. Когда и эта тема была исчерпана, квартала два мы прошагали в неловком молчании.

Еще по телефону я коротко изложил ему суть своей беседы с Редмондом, и, видимо, мысли о ней не давали нам обоим покоя.

– Думаю, они ничего не собираются предпринимать по этому поводу. – Грег наконец нарушил молчание.

Я объяснил, что им все равно придется работать по этому делу, причем подбирал слова с особым тщанием, как рыбак приманку.

– Когда идет усердная работа над делом, – сказал я, – это все равно что стараться реку повернуть вспять. А когда оно все же раскрывается, выясняется, что твои усилия сыграли незначительную роль. Просто появился какой-то пылающий негодованием парень и позвонил в полицию.

– Да, ужасная сила негодования, – кивнул Грег. – Кто бы подумал, что она может обернуться добром? Но вы все же продолжите расследование?

– Когда будет над чем работать.

– Все это очень похоже на Третью ступень, верно? Предпринимаешь действие, и все переворачивается с ног на голову. Был у меня один подопечный, никак не мог получить работу, потому как в резюме у него были дырки, словно в швейцарском сыре, просто огромные, грузовик мог проехать. Раз в день я заставлял его посылать заявки в разные места, и так он промучился три недели. И не получил приглашения ни от одной фирмы, куда хотел устроиться.

– И что же?

– А потом, на четвертой неделе, все же получил, причем от фирмы, в которую не обращался, и на работу, о существовании которой даже не подозревал. К тому же очень хорошую работу. Но вот вопрос: получил бы он ее, если бы не рассылал все эти заявки? Может, да, а может, и нет. Лично я убежден: не приложи он усилий, результата не добился бы.

– А вы много раз бывали поручителем?

– Несколько раз. Ко мне часто обращались, но прежде, чем сказать да или нет, я должен провести хотя бы час за кофе с этим человеком, и чаще всего убеждался, что ничего хорошего из этого не получится. Или же мы решали попытаться, и где-то через месяц или два один из нас выходил из игры. Меня

даже прозвали Нацистом Ступеней. Ведь часто, когда человек думает, что ему нужен поручитель, он не всегда представляет, во что это может вылиться. Мы проходим мимо кафе и закусочных.

– Да, заметил.

– Лично я не голоден. А вы?

– Наелся сладкого на собрании.

– Именно поэтому у меня тоже аппетит пропал. Не знаю, кто притаскивает на встречи бесконечные коробки с шоколадными чипсами, но пора бы прекратить это. Не могу удержаться, чтобы не зачерпнуть горсть-другую. Возможно, надо включить этот пункт в список запрещенных вещей Первой ступени, исключить их из употребления. Вздрагиваю при одной только мысли о том, какая поднимется буря, стоит мне внести это предложение. – Улыбка озарила его лицо. – Но не сегодня.

– Прямо как святой Августин.

– Именно! «Господь, помоги мне избавиться от пороков, но не сразу». Интересно, правда ли он так говорил? Раз уж мы с вами, Мэтт, установили, что не голодны, может, заглянем ко мне? Хочу вам кое-что показать. И еще поверьте: кофе я готовлю лучше, чем греки.

Я не первый раз слышал, как Грег упоминает это свое прозвище, Нацист Ступеней. Впервые он произнес это после похорон, когда сказал мне, что это из-за него убили Джека. Он толкал его по этим ступеням, много и неустанно трудился, и Джек всем сердцем отдался процессу, с головой ушел в исправление ошибок, что требовалось для достижения Девятой ступени.

«Мы должны при любой возможности исправлять свои ошибки перед людьми, – говорилось в уставе, – за исключением тех случаев, когда это может нанести им вред».

«Или самому себе», – подумал я. Но не припоминал, чтобы видел это предупреждение в специальной литературе.

Грег проживал на Восточной Девяносто девятой улице, между Первой и Второй авеню, в трех кварталах от условной границы между Йорксвиллем и Восточным Гарлемом. Прежде в этой части Гарлема жили итальянцы и ирландцы, но они давно переехали поближе к американской мечте. Разумеется, здесь остался итальянский ресторан, ценители его кухни не ленились, приезжали издалека, а на Второй авеню располагалось несколько ирландских баров. И все они носили ирландские названия.

Клиентуру там по большей части составляли люди латиноамериканской внешности, были выходцы и из Вест-Индии, а неоновая вывеска над витриной бара «Изумрудная звезда» рекламировала вовсе не «Гиннесс», но пиво «Красная лента», экспортируемое из Ямайки.

Я не бывал здесь много лет и заметил, что район снова изменился. Между Девяносто седьмой и Девяносто восьмой улицами мы миновали два пятиэтажных здания красного кирпича, где полным ходом шла реконструкция, а мусорные контейнеры у обочины были до отказа набиты кусками отбитой штукатурки, досками и старыми оконными рамами. А на другой стороне улицы возводился небоскреб со шпилем – многоквартирное двадцатиэтажное здание из стекла и бетона.

Словом, совсем не то, что ты обычно ожидаешь увидеть в Гарлеме, заметил я. Грег напомнил, что теперь район этот называют Карнеги-Хилл – новейшее изобретение риелторов, считающих, что чем более громкое название дать новой застройке, тем успешнее будут продаваться тут дома и квартиры. В то время как нас вполне бы устроило название «Адская кухня».

Он также напомнил мне изречение Торо:[16 - Торо Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель и общественный деятель.] «Бойтесь начинаний, которые нуждаются в новых одеяниях». А также районов, которым вдруг понадобилось менять название.

Город продолжал обновляться, создавая все больше мест для процветающих граждан. Ничего нового в том не было, процесс длился больше века, но когда я

смотрел на словно выпотрошенные изнутри каркасы старых зданий, всегда задавался вопросом: что же произошло с прежними его обитателями, людьми, которые жили здесь, пока у них не отняли родные полы и стены?

Затем я приказал себе думать о другом. «Да будет тебе, – твердил внутренний голос. – Забудь об этих беднягах, выброси их из головы. Город наверняка позаботился о них, нашел им другое жилье – какой-нибудь симпатичный мусорный контейнер».

Примерно то же самое говорил мне Джим: «Именно твоя неудовлетворенность есть причина всех твоих несчастий». Мудрость Будды, если не мысль, произнесенная вслух на одном из собраний. Словом, мне было над чем поразмыслить по дороге к дому Грега Стиллмена.

– Мыши, – вдруг произнес Грег и принюхался. – А вот никакой капустой не пахнет. И мокрой собачьей шерстью и чесноком – тоже. Какие-то совершенно неопределенные запахи готовящейся еды. Не столь уж и противные.

То же самое можно было сказать и о лестнице. В строительном городском уставе прописано, что лифтами должны быть снабжены здания высотой семь этажей и более. Именно поэтому в Нью-Йорке так много шестиэтажных зданий. И это было одним из них, и жил Грег на верхнем этаже.

– Вообще-то я не против лестниц, – заметил он. – Живу здесь достаточно долго и уже привык. Когда только приехал в Нью-Йорк, поселился с товарищем на углу Восемьдесят пятой и Третьей. Но всегда хотел иметь отдельное жилье и через несколько месяцев переехал сюда. В этой квартире я и протрезвел, а до того упивался здесь же несколько лет в стельку. Когда вспоминаю, как поднимался пьяным по этой лестнице, в голову поговорка приходит: «Бог хранит пьяных и дураков». Меня можно было отнести сразу к двум этим категориям.

Квартирка была небольшая, но отлично спланированная. Похоже, прежде здесь было три комнаты, но он снес одну из стен – ненесущую, и у него получилась одна большая продолговатая комната. Потом ободрал обои и штукатурку на стенах, до кирпичной кладки, и теперь они блестели. Видимо, были покрыты лаком. Среди красно-коричневых кирпичей виднелось несколько, выкрашенных белой, голубой и желтой краской. Таких вкраплений было немного, но они

эффектно выделялись на общем фоне.

Разномастные стулья и столы неплохо сочетались. Грег с гордостью сообщил, что, за исключением пары предметов обстановки, купленных в магазине бывшей в употреблении мебели, все остальное он нашел на улицах. По его словам, в Нью-Йорке буквально где-нибудь на обочине можно найти и забрать совершенно бесплатно куда лучшую мебель, чем продается в других городах в магазинах.

На одной стене висело абстрактное полотно – сплошь из ярких живых красок и острых углов. Подарок одного художника, друга, с которым он потерял связь. Была здесь и еще одна картина маслом – пасторальная сцена с босоногими нимфами и сатирами в дорогой, искусной резьбы, раме. Ее он приобрел на деньги, вырученные от продажи ювелирных украшений собственного производства.

Когда он закончил показывать мне свое жилище, кофе уже был готов и оказался прекрасным, даже лучше, чем варила Джен на Лиспенард-стрит. И я не удивился, услышав, что Грег размалывает зерна сам.

– У меня тут возникла дилемма этического характера, Мэтт, – вздохнул он. – Нельзя ли узнать, на какой вы сейчас ступени?

– Стараюсь сосредоточиться на Первой, – ответил я. – И подумываю о Второй и Третьей.

– То есть к Четвертой ступени вы еще не подошли.

– Мой поручитель считает, торопиться не надо. Говорит, на одну ступень должно уходить не меньше года, это придает естественный характер процессу. А у меня пошел только первый год, вот я и сосредоточен на Первой.

– Ну, это мнение одной лишь школы, – заметил Грег. – И если придерживаться принципа одна ступень за год, можно и застрять на этой самой ступени. Бывали и другие подходы. Люди, основоположники учения, начинавшие в тридцатых и сороковых, стаскивали своих подопечных с больничных кроватей, ставили их на колени, провозглашали, что они бессильны перед алкоголем, внушали веру в Высшие Силы и все такое прочее. Они не дожидались даже, когда у этих бедняг пройдет тремор. Вот они-то и были настоящими Нацистами Ступеней, задолго до

того, как этот термин вошел в обиход.

– Значит, вы не первый.

– Боюсь, нет. И как я уже говорил, не соглашаюсь стать поручителем первого встречного. Но я ни за что бы не преуспел с моей программой, не будь у меня своего поручителя, сторонника самого жесткого курса. А я – лишь жалкое его подобие. Он заставлял меня все записывать, чего я терпеть не мог, заставлял молиться, стоя на коленях, а я считал это крайне унизительным. Потому как надеялся установить с Богом приятельские отношения. Считал, мы с ним – двое разумных людей, и хотел быть на равных. Боже, до чего самонадеянным жалким придурком я был! – Он удрученно покачал головой.

Я сочувственно кивнул и отпил кофе.

– Вплоть до того дня, когда он умер, – продолжил Грег. – Я говорил, что стал вполне удачным поручителем для Джека. И это при том, что мы с ним имели очень мало общего. Джек был старше почти на двадцать лет, вел далеко не праведную жизнь, отличался прямолинейностью и даже отчасти страдал гомофобией. Но он очень хотел научиться всему, что знал я, ему нравился ход моих суждений… Могу утверждать одно: единственный способ отучить его от алкоголя – заставить неукоснительно выполнять предложенную программу. Молитва – каждое утро и вечер тоже, минимум встреч днем, стараться преодолевать ступени по порядку и все записывать. Понимаете, к чему я клоню?

– Он все записывал…

– Все, что он говорил мне и что записывал, – строжайшая тайна. Я не священник, и тайна исповеди не защитила бы меня в суде, и я всегда рассматривал это безотносительно к соблюдению закона. Но теперь…

– Теперь он мертв.

– Теперь он мертв, и его записи могут направить полицейское расследование в верное русло. Так каковы же границы моей ответственности? Освобождает ли его смерть меня от обязательства и дальше хранить молчание? Знаю, ничего страшного в том, чтобы установить личность умершего, члена «Общества анонимных алкоголиков», нет. Если перефразировать какую-нибудь слащавую

книжонку или фильм, смерть никогда не сохраняет твою анонимность. Но тут все же несколько другой случай, как вы считаете?

– В каком-то смысле да.

– Ну а в другом? – Он вздохнул. – Знаете, почему я порой скучаю по выпивке? Пьяному она предоставляет отличную возможность сказать: «О, да пошли вы все, какого черта!» Порой это такое шило в заднице – правильно смотреть на вещи.

– Прекрасно вас понимаю.

– В списке Девятой ступени у Джека значилось много людей. Он не только записывал имена тех, кому причинил вред в свой «пьяный» период. О каждом человеке написал целую колонку – как он с ним поступил, какие последствия это имело, что нужно предпринять для исправления ошибки. Некоторых людей из списка уже нет в живых, и он все время терзался мыслью о том, что теперь уже ничего не исправить.

– Он рассказывал мне о своем отце.

– О том, что не смог быть рядом, когда старик умирал? Я ответил, кое-что все же можно сделать. Он должен пойти в тихое и безлюдное место – часовню или заброшенный парк. Прекрасно подошел бы старый район в Бронксе, если бы там не проложили линию наземного метро. Впрочем, место особого значения не имеет. Он может пойти туда, подумать об отце, поговорить с ним.

– Поговорить?

– Рассказать обо всем, о чем бы поведал ему, стоя у смертного ложа. И еще дать понять старику, что теперь он стал трезвенником, и как много это для него значит и… Ну, знаете, я не собирался сочинять эту речь за него. Он и сам бы мог придумать много чего.

– А как знать, дойдет ли до старика это послание?

– Насколько я понимаю, – ответил Грег, – старик сейчас сидит где-то на облаке, и уши у него имеются, так что даже собачий свист расслышит. – Он нахмурился. – Я имел в виду те частоты свиста, на которые реагируют только собаки.

– Это я понял.

– Вообще довольно занимательная штука этот собачий свист. Его не только мертвецы могут услышать.

– Насколько мне известно, да.

Грег как-то странно взглянул на меня.

– Там кофе остался, – произнес он. – Желаете еще чашечку?

Глава 8

– Перейдя к Пятой ступени, Джек сидел в том кресле, где теперь сидите вы. Он описал Четвертую ступень, потратил на это несколько недель, старался ничего не упустить. А потом сел здесь, а я пристроился напротив, где сейчас сижу, и прочел мне все это вслух. И несколько раз голос у него срывался. Ему было трудно.

– Понять можно.

– А я время от времени останавливал его. Ну, чтобы он что-то уточнил. Но в основном Джек все читал, а я слушал, старался вникнуть. Тоже было нелегко.

– Трудно продраться через текст и уловить смысл?

– Вот именно, Мэтт. Когда сам я находился на Четвертой ступени, там не было конца поступкам, которых я страшно стыдился. А в программе четко сказано: главное, как твои поступки давят на твою совесть, а вовсе не то, противоречат ли они общепринятой морали. Но я ощущал себя грешником в легком весе,

дилетантом по части всяких там низостей и подлостей. Мои преступления сводились к нарушениям правил перехода улиц и мелкому мухлеванию с налогами. Да, и еще пару раз проскакивал под турникетом в метро, чтобы не платить. Вы же не станете сообщать об этом в полицию?

– Так и быть, прощаю на первый раз.

– Не беспокойтесь, этого больше не случится. Я совершал проступки, которые не являются преступлениями, но осуждаются с точки зрения морали, не хотелось бы упоминать о них сейчас. Зато, знаете ли, я никого не ограбил, не ударил битой. И никогда, господи, ни разу в жизни еще никого не убил!

– А Джек?

Своим молчанием он сказал мне – «да». Затем, после долгой паузы, заметил:

– Я испытывал крайнюю неловкость, слушая, что он говорил. И насильственной смертью он умер вовсе не потому, что характер дурной или он ненавидел кого-то, и даже не потому, что совершал преступные деяния. Так что считаю, все это ушло в могилу вместе с ним.

– Что ж, вполне разумно.

– Вот только никакой могилы не будет. Я распорядился кремировать его, как только выдадут тело. И хотел развеять пепел над морем. Даже узнал, что есть специальная служба – тебя вывозят в море на лодке, ты берешь урну и вытряхиваешь ее содержимое за борт. – Он закатил глаза. – Вернее, пепел и прах, так принято говорить. Будь у меня копия его записей по Четвертой ступени, я бы и ее сжег в печи вместе с ним, и зарывать в могилу не стал бы. А потом развеял бы над водой и…

Грег произнес все это почти весело, а потом вдруг осекся и умолк. Я видел, как он помрачнел, стиснул зубы, как старался сморгнуть слезы. Затем Грег взял себя в руки, и голос его снова зазвучал ровно и уверенно.

– Итак, моя дилемма связана с Восьмой ступенью, – сообщил он. – Вроде бы я уже говорил, там было расписано все детально.

– О каждом человеке отдельный параграф.

– Да, и некоторые получились весьма пространными. Думаю, человек, убивший его, был упомянут в этом списке. С большой долей вероятности.

– И у вас есть копия.

– Разве я не говорил?

– Нет. Но никакой дилеммы лично я тут не вижу. У вас на руках его список по Восьмой ступени. Вам и решать, что с ним делать.

– Если у полиции есть зацепки, если они знают, кто убийца, и не важно, имеются ли против него улики, тогда никакой проблемы для себя не вижу. Просто уничтожу этот список, и дело с концом. Но если у них ничего нет, и скорее всего это так, нет и не будет, и они не станут напрягаться, тогда… Тогда получается, я владелец информации, которая может им помочь, и это мой долг, как гражданина, предоставить им эти материалы.

– Но?…

– Но в списке около двух дюжин имен, Мэтт! Это, конечно, не означает, что среди них много подозреваемых, потому как он включил в список своего отца и еще пару покойников и даже упомянул подружку из старшего класса школы, в чьи трусики запускал лапу. Ну и других людей, которые вряд ли способны выпустить две пули в человека, пришедшего вдруг с извинениями. Но тем не менее примерно треть останется. Все они вели неправедную жизнь и даже имели отношение к криминалу. Но только один из них мог убить. Так какое я имею право навлекать подозрения на остальных?

– И он поставил себе целью как-то помириться с этими людьми…

– Вот именно! Сначала появляется и говорит, простите меня, пожалуйста, я не хотел, во всем выпивка виновата, и вот вам десять баксов, которые я недоплатил, или вот вам новая лампа вместо той, что я сбил со стола. А в следующую минуту он уже покойник, и копы стучатся в дверь.

– А люди в списке не того сорта, чтобы привлекать к себе внимание стражей порядка.

– Или в костюмах от Роберта Холла[17 - Роберт Холл – некая легендарная личность, американский торговец, продававший костюмы сомнительного качества, которые вскоре расползались по швам.]. Хотя мистер Редмонд был одет вполне даже прилично.

– Но он же детектив.

– И что с того? Разве детективы одеваются лучше других? Никогда не замечал.

Через два дня после награждения золотым жетоном Эдди Кёхлер отвел меня на Пятую авеню в магазин мужской одежды «Финчлиз». С фасада здание выглядело как нормандский замок, и я вышел из него, чувствуя себя настоящим лордом, поскольку только что купил костюм за цену в три раза большую, чем обычно себе позволял.

Я купил костюм, чтобы производить впечатление на людей. Должен был одним своим видом внушить, что являюсь опытным детективом и всегда готов защищать их интересы. Впрочем, имелись и другие преимущества: жене очень нравился этот костюм, да и подружке тоже.

Там, конечно, были и другие костюмы, но этот особенно приглянулся мне – однобортный, на двух пуговицах, пошит из ткани почти шелковистой на ощупь в изящную и еле заметную серовато-синюю полоску. («Прекрасный материал», – заметил продавец.) И брюки без манжет. («Не думаю, что нам тут нужны манжеты».)

Интересно, куда он потом делся, этот костюм. Да и магазин мужской одежды «Финчлиз». Последний раз, побывав в этом районе, я заметил, что магазина там нет. В здании с зубчатыми башенками появился новый обитатель, и в огромной витрине были выставлены поделки из фальшивой слоновой кости и прочие восточные безделушки для туристов.

Проблему Грега я понимал. Если он передаст список Джека по Девятой ступени на удивление хорошо одетому Деннису Редмонду, тем самым может доставить нешуточные неприятности людям, не имеющим никакого отношения к убийству. А если не сделает этого, убийца останется безнаказанным.

Я спросил, обсуждал ли он это со своим поручителем.

– Хотелось бы, – ответил Грег. – Никогда не слыхали о раке геев? Называется саркомой Капози, хотя, возможно, произношу неправильно. Болезнь редкая, по крайней мере считается таковой. Но каждый гей-мужчина начинает утро с того, что осматривает себя с головы до ног на предмет выявления пурпурных пятен. Адриан был очень болен, и все мы боялись, что он умрет, поскольку лекарства от этой болезни не существует. Но убило его воспаление легких. Причем очень редкая форма пневмонии, хотя… не столь уж и редкая среди мужчин гомосексуалистов.

Я кое-что слышал об этом заболевании. В моей группе, той, что собиралась в соборе Святого Павла, умер один человек. Еще одного члена группы несколько раз госпитализировали с приступами жесточайшей лихорадки, и врачи не знали, чем ее лечить.

– И никто не знает, что вызывает эту болезнь, – сказал Грег. – Один мой приятель считает, что ее якобы вызывают синтетические моющие средства, кожаные изделия и пирожные с заварным кремом. Мы все можем погибнуть от этой болезни, Мэтт. А вместо того, чтобы всерьез заняться этой проблемой, только посмеиваемся, и все.

Его поручитель Адриан умер месяц назад, и Грег так и не нашел ему замены.

– Я постоянно прощупываю самых разных людей, – сказал он, – причем втихаря, сами они о том не знают. Хочу найти человека старше себя, с более долгим сроком трезвости, но того, кто посещает собрания регулярно, почти ежедневно. И гей мне не нужен, поскольку не хочу снова проходить через все это, да и натурал не очень подходит, поскольку сам я не такой. Последнее время стал думать, что мне нужна женщина-поручитель, но удастся ли поладить с обычной женщиной или лесбиянкой?

– Еще одна дилемма, – заметил я.

Он кивнул:

– Причем из таких, последствия которой выявятся не сразу, а со временем. И полная противоположность другой дилемме, требующей действий. Вы полицейский, Мэтт. Никогда не хотели вернуться к этой работе?

– Снова поступить в штат?

Я подумывал об этом и раньше, даже советовался с Джимом Фейбером.

– Нет, – ответил я. – Никогда этого больше не будет.

– Так что теперь вы частный детектив.

– Не совсем. Частные детективы должны иметь лицензию. Уйдя из полиции, я стал работать на разных людей, но строго неофициально. Просто оказываю им кое-какие услуги, а они в качестве благодарности дают мне деньги.

– А теперь?

– Пребываю в вечных поисках работы, как вы – в поиске поручителя. Какой-то человек разработал добровольную программу занятости. Называется ПЗИА, хотя не помню, как точно расшифровывается это сокращение…

– Программа занятости для излечившихся от алкоголизма. Джек начал посещать там занятия. Но ему не понравилось. И он сам нашел себе работу – развозил заказы из закусочной. Не слишком выдающаяся карьера, зато работа вполне приличная для начинающего трезвенника.

– Что ж, меня вполне устраивает работа для начинающего трезвенника. За последние одиннадцать месяцев работы хватало, так что я мог и жилье оплачивать, и на еде не экономить.

– Вы оказываете услуги людям, они за это вас благодарят.

– Именно.

– Что ж, – сказал он. – В таком случае, может, окажете услугу мне?

Глава 9

Уже далеко за полночь я вернулся в гостиницу. Никаких сообщений не поступало, в ячейке у стойки скопились только рекламные листки. Войдя в номер, я выбросил их в мусорную корзину, все, за исключением конверта из плотной бумаги размером девять на двенадцать. Адресовано послание было Грегори Стиллмену, был от руки вписан и обратный адрес какой-то фирмы в городе Уичита, штат Канзас. Можно было предположить, что так они рассылали каталоги ювелирных изделий, но сейчас в конверт был вложен список, составленный Джеком Эллери на Девятой ступени – список людей, которым он якобы причинил вред. И среди них вполне могло значиться имя убийцы.

Я просмотрел первую страницу списка, просто для того, чтобы убедиться, что смогу разобрать почерк Джека. И представил, как Грег, перед тем как засунуть все эти листки в конверт, соединяет их металлической скрепкой. Я не стал читать, снова засунул листки в конверт и положил его на комод, потом разделся и пошел в душ.

Конверт лежал на своем месте, когда я вышел из ванной. Я открыл его, вытащил пачку листков бумаги, скрепленных скрепкой. Страницы были пронумерованы, их было девять, и каждая исписана мелким, но вполне разборчивым почерком Джека, синими чернилами на белой бумаге.

Первое имя вверху страницы – Реймонд Эллери, покойный отец Джека. Я прочел пару предложений, и тут вдруг навалилась усталость. Это может и подождать, решил я. Опять вложил бумаги в конверт, предварительно соединив их скрепкой, и улегся в постель.

А потом вдруг вспомнил, что не молился. Особого смысла в молитвах не вижу, вообще не мой стиль. Но я провел почти год, делая разные вещи не в своем стиле, и лишь изредка улавливаю в них смысл. А потому решил придерживаться простейшей тактики: начинать день с просьбы о еще одном дне трезвости, и заканчивать его, благодаря Всевышнего за то, что подарил мне еще один

трезвый день.

Я вспомнил это только теперь, уже лежа в постели с выключенным светом, и мне страшно не хотелось вылезать из-под одеяла и становиться на колени – вот уж совсем не в моем стиле.

– Благодарю тебя, – прошептал я тому, кто мог бы меня слышать.

Этим и ограничился.

– Он дал мне тысячу долларов, – сказал я Джиму. – Десять купюр по сотне баксов. И пересчитывать при мне не стал. Видно, заранее отложил их в бумажник. Предвидел, что я соглашусь.

– Надеюсь, ты не утратил хватки полицейского.

– Я переложил их в карман.

Много лет назад в Бруклине Винс Махафи дал мне еще один ценный совет. О том, как надо поступать, если кто-то платит тебе деньги.

– Но выглядишь ты не слишком счастливым для человека с тысячью баксов в кармане, – заметил Джим.

– Да от них почти ничего не осталось. Внес плату за номер за следующий месяц, отправил Аните перевод. Ну и еще положил пару баксов в банк, вот и все, что в кошельке осталось.

– Все? Или ты отложил десятую часть своего улова и сжег эти бабки, чтобы задобрить богов?

– Ну, как тебе сказать, – пробормотал я.

Несколько лет назад я взял в привычку отстегивать десять процентов от любого дохода и относить эти деньги в ящик для пожертвований для первой

попавшейся церкви. Джим расценивал это как проявление дурацкой эксцентричности и считал, что, когда я протрезвею окончательно, подобные порывы сойдут на нет. Большая часть моих денег доставалась Католической церкви, наверное, просто потому, что их храмы почти постоянно открыты. По дороге домой я немного задержался. Отдал свою дань ящику для бедных при церкви Святого апостола Павла. А потом зашел и поставил две свечки, одну из них – за Джека Эллери.

– И все равно ты хотя бы на несколько долларов богаче, чем был вчера, – заметил Джим. – Но тем не менее совсем не выглядишь счастливым.

– Я взял деньги, – ответил я. – Теперь должен их отработать.

– Найти того, кто убил твоего друга.

– Выяснить, есть ли в списке имя, которое может заинтересовать Редмонда. Которое я сочту нужным и возможным ему назвать. Полагаю, это примерно то же самое.

– А нельзя сразу исключить тех, кто определенно не мог это совершить, и отдать ему список с оставшимися именами?

– Стиллмен и сам мог это сделать, – покачал я головой. – Идея в том, чтобы не создать проблем для людей заведомо невиновных в убийстве Джека, даже пусть они виновны в чем-то другом.

– Значит, в списке есть нехорошие люди?

– Не знаю, кто они такие, кроме отца Джека. Впрочем, тот умер несколько лет тому назад, – ответил я.

– Что без сомнения – оправдательное доказательство, верно? Так ты, насколько я понял, еще не читал список?

– Слишком устал вчера вечером, а сегодня утром у меня были другие дела. Думаю прочесть его прямо сейчас.

– Что ж, неплохая идея, – заметил мой поручитель.

И все равно мне пока не хотелось делать это, и я вернулся в номер, лелея фантазию о том, что конверт из плотной бумаги исчез неведомо куда за время моего отсутствия. Могла, к примеру, зайти горничная – она приходила раз в неделю, а сейчас задержалась на день – зайти, сменить постельное белье, опустошить корзину для мусора и приговорить записи Джека Эллери к испепелению в мусоросжигателе. Или же в номер мог пробраться грабитель и, раздраженный тем, что не нашел ничего стоящего, прихватить конверт и скрыться вместе с ним. Или же спонтанное возгорание, или затопление, или…

Конверт лежал на месте. Я уселся и стал читать.

Когда закончил чтение, выяснилось, что я пропустил ленч, и солнце уже зашло. Я вышел и решил где-нибудь перекусить перед началом пятничного вечернего собрания в соборе Святого Павла. Порывался уйти в перерыве, но все же заставил себя остаться.

– Думаю сегодня обойтись без кофепития, – сообщил я Джиму. – Вместо этого заскочу в какой-нибудь бар.

– А знаешь, я и сам много раз подумывал о том же.

– Я читал этот гребаный список, как показалось, целую вечность, – вздохнул я. – Потому что все время останавливался и смотрел в окно.

– Небось на винный магазин на другой стороне улицы?

– Нет, скорее, на башни Торгового центра. Но вообще-то ни на что я конкретно не смотрел. Просто пялился вдаль. Мне нелегко это далось, Джим. Я ведь заглянул в самое сердце и душу парня, а это тяжело.

– Так чего еще тебе хочется, кроме как заглянуть в бар?

Я одарил его выразительным взглядом.

– У меня листок бумаги с пятью именами и фамилиями. Хочу пройтись по нему вместе с одним парнем.

– И в баре ты должен с ним встретиться?

– Да, он придет туда. Или в «Верхнем узле», или в пабе «У Пугана». Так и мотается между этими двумя забегаловками. Ну и еще кое-куда захаживает.

– Словом, из тех парней, кто не хочет идти проторенной дорожкой. Как думаешь, может, тебе стоит взять кого-то с собой, а?

– Пить я не собираюсь.

– Нет. – Он покачал головой. – Пить ты не будешь, но лучше и спокойнее иметь под боком надежного трезвого друга.

Я задумался, взвесил все «за» и «против» присутствия третьего лишнего за столом.

– Не в этот раз, – возразил я. – Все будет нормально.

– В каком бы баре ты его ни нашел, уверен, там есть телефон-автомат. А четвертаков у тебя полно, правильно?

– И четвертаков, и жетонов на метро. Хотя никакие жетоны мне не нужны. Буду на Западной Семьдесят второй, туда идти всего ничего.

– Вот и чудесно, – заметил Джим. – Пешая прогулка пойдет тебе на пользу.

Я дошел до угла Семьдесят второй и Коламбус. Паб «У Пугана» находился всего в полуквартале, если идти в одну сторону, а бар «Верхний узел» – примерно на том же расстоянии, но если идти в другую. И я почувствовал себя полным ослом, застывшим между двумя тюками с сеном. Или сделаешь выбор наугад, или помрешь с голоду. Я мысленно подбросил в воздух монетку и двинулся к «Верхнему узлу». Ну и разумеется, мой собеседник оказался в баре «У Пугана».

Сидел за столиком с ледяной бутылкой «Столичной» в пластиковом ведре, расписанном под дерево.

В руках мужчина держал кубик Рубика, но не вертел его в пальцах, просто задумчиво и хмуро рассматривал.

– Привет, Дэнни Бой, – произнес я.

Он, не поднимая глаз, спросил:

– Скажи, Мэтт, ты когда-нибудь видел такую игрушку?

– Видел. Но никогда не пробовал собрать.

– Один тип подарил, – пробурчал он. – Смысл в том, надо собрать его так, чтобы все шесть сторон были одинакового цвета. Но как это сделать – ума не приложу. Хочешь, подарю?

– Нет. Но все равно спасибо.

Он поставил кубик на стол, взглянул на меня и широко улыбнулся.

– Да ты садись. Рад тебя видеть. Может, оставлю игрушку официантке. Думаю, она ее позабавит. А ты отлично выглядишь, Мэтт. Выпьешь чего-нибудь?

– Разве что коку, – отозвался я. – Но не спеши ее звать. Подождем, пока сама не подойдет, забрать свой кубик Рубика.

– Да, точно! Так он и называется. Мне показалось, что Кубек, но с самого начала так и чувствовал, что это неправильно. Помнишь Тони Кубека?

То был питчер из команды «Янки», и я действительно его помнил, и несколько минут мы говорили о бейсболе. Затем подошла официантка, я заказал себе коку. А Дэнни Бой опрокинул стаканчик водки и позволил ей налить из бутылки еще.

Дэнни Бой Белл, негр-альбинос, да к тому же еще и карлик, всегда одевался шикарно, приобретая вещи в дорогих магазинах для мальчиков типа «Сакс» и «Пол Стюарт». Будучи альбиносом, он предпочитал ночной образ жизни, но думаю, избрал его не потому, что кожа так уж чувствительна к солнечным лучам.

– В этом мире не хватает двух вещей, – говорил он, – регулятора освещении и регулятора громкости, и то и другое следовало бы приглушить.

Темные комнаты и тихая музыка – вот самая естественная для него среда обитания, ну и, разумеется, она прекрасно сочеталась с водкой. Изредка ему компанию составляла какая-нибудь хорошенькая женщина, не слишком обремененная умственными способностями.

Когда я работал в Шестом участке, Дэнни Бой был лучшим моим осведомителем, одним из немногих, в обществе которого я не чувствовал, что мне поскорее хочется отмыться в душе. При этом он ничуть не старался угодить, не искал лавров славы сыщика, не задирал нос. Он был, скорее, даже не осведомителем, а брокером информации, и каждый вечер часами просиживал в «Верхнем узле» или «У Пугана», и люди, находившиеся по разные стороны закона, придвигали к его столу стул, чтобы спросить кое о чем или, напротив, что-то рассказать, а иногда и то и другое.

Он жил в нескольких кварталах от обоих заведений и редко ходил куда-то еще – разве что посмотреть бокс в «Гарден» или послушать хороший джаз в клубе. Но по большей части посиживал в баре и попивал водочку, которая для него была все равно что вода, потому как никакого видимого эффекта от нее не наблюдалось.

Мне принесли кока-колу, я отпил глоток и подумал, какой видимый эффект это могло на меня произвести.

– Тут с неделю тому назад убили одного парня, – начал я разговор. – Жил в меблированной комнате на Восточной Девяностой, сводил концы с концами, занимаясь доставкой ленчей из закусочной в том же районе.

– Концы эти, очевидно, находились не так далеко друг от друга, – заметил Дэнни Бой, – раз свести их оказалось достаточно просто. Как его звали?

– Джон Джозеф Эллери. Но все называли его просто Джеком.

Он покачал головой:

– Об убийстве не слышал, имя парня ничего не говорит. А чем занимался до того, пока решил устроить нашему доблестному сыску головную боль?

– Да так, всем понемногу.

– Ага, полезное занятие. И он все еще продолжал заниматься и тем, и этим понемногу во время, свободное от доставки ленчей?

– Он исправился, – ответил я и опустошил бокал коки. – Решил начать жизнь с чистого листа.

– Иными словами, пойти более сухой дорожкой. Дорожкой, которой, как я вижу, и ты решил пойти, Мэтью. Давно ли?

– Год будет через месяц.

– Но это же здорово, – заметил Дэнни.

Его искренность доставила мне радость. Потому как далеко не каждый, с кем я прежде выпивал, восторгались дорогой, которую я избрал. А Джим говорил, что такая реакция имеет больше отношения к проблемам этих людей, их образу жизни и питью, а вовсе не ко мне и моей трезвости. Одни видят в том для себя угрозу, другие считают, что ты неодобрительно к ним относишься. Вот им и хочется как следует врезать тебе кулаком.

Все эти разговоры о выпивке, видимо, напомнили Дэнни Бою, что на столе перед ним полный стаканчик водки, и он поднес его к губам и выпил залпом. А потом протянул задумчиво:

– Джон Эллери, больше известный под именем Джек. Где его убили?

– Дома.

– В меблированной комнатушке?… Как?

– Две пули. Одну влепили в лоб, вторую – в рот.

– Дескать, держи пасть на замке?

– Скорее всего.

– Как бы в противоположность другому способу. «Ты должен был держать рот на замке, крыса гребаная, жалкий ублюдок», и после этих слов отрубали пенис и заталкивали несчастному в рот, иногда до середины горла. Скажи-ка мне, Мэтью, только итальянцы оставляют такую визитную карточку или же она имеет более широкое хождение?

Я понятия не имел.

– И то и другое понемножку. Не мой это стиль – вникать в детали и подробности, но…

– По большей части вооруженные ограбления. За это и сидел. Грабил винные магазины, бакалейные лавки, входил, показывал пушку, ну и выгребал из кассы все что мог, подчистую. Неудивительно, что ты о нем ничего не слышал, потому как разбойничал он недолго. И понятно, почему не знаешь о его убийстве. Если бы в газетах не написали, я бы и сам не знал.

Дэнни Бой сосредоточенно нахмурился.

– Джек, Джек, Джек… А погоняло у него было?

– Прости?…

– Ну, прозвище, бог ты мой! Неужели никогда не слышал этого слова?

– Знаю-знаю, – кивнул я. – Попадалось в книжках. Но вот чтобы кто-то его произносил, нет, не слышал. И уж определенно не здесь, в пабе «У Пугана».

– Очень славное словцо. И не совсем то, что кличка или прозвище. Взять, к примеру, Чарльза Линдберга. Его прозвали Линди…

– Когда он прославился своим перелетом, – предположил я.

– А погоняло у него было Одинокий Орел. А у Джорджа Германа Рута[18 - Джордж Герман Рут (1895–1948) – американский бейсболист, питчер, легенда американского спорта.] прозвище было Малыш, а погоняло – Султан Отряда Быстрого Реагирования. А у Аль Капоне…

– Понял тебя, понял.

– Просто хотел толково объяснить тебе, Мэтью. Погоняло… Я тоже узнал это слово из книжек. Не думаю, что где-то слышал его прежде, и абсолютно убежден, что прежде произносил его здесь. А вот правильно ли – не уверен.

– Не знаю. Не того спрашиваешь.

– Ладно, постараюсь разузнать. – Дэнни приподнял стакан, поставил его на стол. – Значит, Высокий-Низкий Джек, – протянул он. – Такое гребаное погоняло. Ведь именно так его называли, верно?

Глава 10

– Высокий-Низкий Джек, – произнес Грег Стиллмен.

– Но ведь не так же его называли в меблированных комнатах?

– Они называли его просто Джек, он сам так себя назвал. О, или Джек Тюряга, или Джек Уголовник. Но не прямо, конечно, а за глаза.

Особенность анонимности нашего общества сводилась к тому, что все мы знали друг друга только по имени, так что приходилось придумывать клички, чтобы отличить одного Джека от другого. В церкви Святого Павла у нас были Длинный

Джим и Джим Бегун. А моего поручителя прозвали Джим Армейский Жилет, потому как его редко когда видели без этого предмета одежды.

Было ли у меня прозвище – или, если вам угодно, погоняло, – я не знал. Оставалось лишь строить догадки. Мэтт Коп? Мэтт Сыщик? Впрочем, на сборищах в церкви Святого Павла я был единственным Мэттом, так что, наверное, необходимости в прозвище не возникало.

– Нет, ты пойми, ничего оскорбительного в прозвищах нет, – добавил Грег. – К тому же тюремный опыт пошел Джеку на пользу. Он понял, что получил по заслугам, понял, что никогда бы не оказался в тюрьме, если бы не пьянствовал. Но в прозвищах всегда надо искать логику. И Высокий-Низкий Джек… Что это означает?

– Не знаю. Слышал, так называл его коп из Шестого участка, когда я сам там работал. Но с тех пор, вплоть до сегодняшнего вечера, ни разу не слышал.

– От кого?

– От осведомителя, – ответил я и тут же задумался… Интересно: Дэнни Бой – прозвище или погоняло? Никогда не слышал, чтобы его называли по-другому, и, насколько мне было известно, в свидетельстве о рождении у него значилось: «Дэнни Бой Белл».

– И осведомитель знал Джека?

– Они никогда не встречались, и знает он о нем совсем мало.

– Но ведь откуда-то ему известно прозвище Джека, а вот я, например, не знал. И в отчетах по Четвертой ступени это имя не фигурировало. Я бы непременно его вспомнил, если бы слышал раньше.

– Он был азартным игроком? Картежником?

– Джек? Нет, не думаю. Хотя однажды говорил, что несколько лет назад провел на бегах целый день, но в основном только пьянствовал и ставок не делал. Ну, что-то насчет того, что завис в баре и не пришел вовремя в кассу сделать ставку.

– Иными словами, пьянство тогда помогло сэкономить деньги.

– Да, нет худа без добра.

В пабе «У Пугана» действительно имелся телефон-автомат, и я знал, что он в рабочем состоянии – видел, что по нему звонят люди, пока сидел и наблюдал, как Дэнни Бой хлещет водку «Столичную» – в объемах, способных возродить советскую экономику. И когда я собрался уходить, телефонная будка пустовала. Но я не стал пользоваться ею, вышел на улицу, свернул за угол. Первый телефон-автомат не работал, нашелся другой, исправный, через дорогу. Я опустил четвертак и набрал номер своего поручителя.

– Нет, еще не так уж и поздно, – поспешил успокоить он меня. – Слышу визг тормозов, а не крики пьяниц и алкоголиков. Отсюда вывод – ты звонишь с улицы.

– Ты единственный из всех, кто мог бы стать отличным детективом. Скажи, слова Высокий-Низкий Джек что-нибудь тебе говорят?

– Есть такая карточная игра, – ответил он. – Если не изменяет память, называется «сплит в океане». Или попросту сплит[19 - Сплит – вариант игры в блек-джек.]. Забыл, как в нее играют, но кажется, там надо набирать очки, и есть ключевые слова – верхняя и нижняя карты, джек и гейм. Да, вроде бы точно помню эту фразу – верхняя, нижняя, джек и гейм. Чем-то помог тебе?

– Не знаю.

– Я и сам не пойму, чем тут можно помочь, – хмыкнул мой поручитель. – Высокий-Низкий Джек. Верхней и нижней в покере называют позицию, когда стартовая и нижняя руки набирают большее количество очков, срывают куш. Но никак не возьму в толк, при чем тут Джек?

– Может, речь идет о валетах[20 - Игра слов: валет – по-английски «jack».] и картах высшего достоинства, – предположил я.

– Что, кстати, напомнило мне о еще одной игре, разновидности покера. Называется дро-покер, и там нужна пара валетов, чтобы открыться…

– Правильно.

– Но если ни у кого нет на руках валетов или карт выше, тогда побеждает игрок с самой низкой комбинацией. К примеру, если у него такие карты: пятерка, четверка, тройка, двойка и туз. Или же: шестерка, четверка, тройка, двойка, туз. Или еще один вариант: семерка, пятерка, четверка, тройка, двойка – все зависит от правил в данной игре.

– Вот уж не знал, что ты играешь в покер.

– Да так, баловался когда-то, и ставки не превышали бакса. Работал печатником, и играли мы на заднем дворе типографии, что на Хадсон-стрит. Но потерял всякий вкус к игре, когда однажды после большого запоя вдруг вышел из ступора посреди игры и не понял, почему делаю такие отчаянные ставки. «Джекс и Бэк», так мы называли этот вариант. Думаю, это тебе тоже не поможет. Как все прошло сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/lourens-blok/kaplya-krepkogo/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Вотерфорд» – торговая марка хрустальных изделий, производство которых было основано в 1783 г. братьями Пенроуз в портовом городе Вотерфорд, что на юго-востоке Ирландии. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Святая дева Мария Гваделупская – название ассоциируется со знаменитым изображением святой девы Марии в одной из базилик Мехико.

3

Стикбол – уличная игра, напоминающая бейсбол.

4

Ступбол – уличная игра, похожая на бейсбол, где один из игроков ударяет мячом о крыльцо или стену и бежит к базе, а другие пытаются поймать мяч.

5

Le Gendarme – жандарм (фр.).

6

Джексон-Хайтс – престижный район в северо-восточной части Нью-Йорка, входит в Куинс.

7

Джозеф Пол Димаджио (1914–1999) – американский бейсболист, выдающийся игрок за всю историю бейсбола; был мужем Мэрилин Монро.

8

«Большая книга» – периодическое издание «Общества анонимных алкоголиков», где перечислено, сколько тысяч женщин и мужчин избавились от этой зависимости; названа так по толщине первого тома, изданного в 1939 г.

9

«Двенадцать и двенадцать» (полное название «Двенадцать шагов и двенадцать традиций») – книга одного из основателей «Общества анонимных алкоголиков».

10

«Бет Израэль» – медицинский центр в Нью-Йорке, основан в начале XX в.

11

Моравская церковь – протестантская церковь, берет свое начало с XV века, основана реформатором Яном Гусом.

12

«О, Благодать» – христианский гимн, написанный английским священнослужителем и поэтом Джоном Ньютоном (1725–1807).

13

Трали – небольшой городок в графстве Керри на юго-западе Ирландии.

14

Барри Фицджеральд (1888–1961) – ирландский актер, обладатель премии «Оскар».

15

Сэмюель Джонсон (1709–1784) – английский литературный критик и поэт эпохи Просвещения.

16

Торо Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель и общественный деятель.

17

Роберт Холл – некая легендарная личность, американский торговец, продававший костюмы сомнительного качества, которые вскоре расползались по швам.

18

Джордж Герман Рут (1895–1948) – американский бейсболист, питчер, легенда американского спорта.

19

Сплит – вариант игры в блек-джек.

20

Игра слов: валет – по-английски «jack».

Купить: https://tellnovel.com/ru/lorens-blok/kaplya-krepkogo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить